

КАТРИНЕ ЭНГБЕРГ

АРЕНДАТОР

ЭНГБЕРГ –
ДОСТОЙНАЯ НАСЛЕДНИЦА
ТРАДИЦИЙ СКАНДИНАВСКОГО
НУАРА.

OPRANMAG.COM

18+

Триллер по-скандинавски

Катрине Энгберг

Арендатор

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

Энгберг К.

Арендатор / К. Энгберг — «Издательство АСТ»,
2016 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-149848-1

В мирном копенгагенском доме обнаружен труп девушки, Юлии Стендер, с вырезанным на лице узором. Расследование поручено следователям Йеппе Кернеру и Анетте Вернер. Они устанавливают связь между Юлией и пожилой дамой, у которой та снимала квартиру. Даму зовут Эстер ди Лауренти, и, похоже, она написала убийство – в прямом смысле этих слов... Книга также издавалась под названием «Крокодилий сторож»

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-17-149848-1

© Энгберг К., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Среда, 8 августа	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Четверг, 9 августа	44
Глава 8	44
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Катрине Энгберг Арендатор

Katrine Engberg

Krokodillevogteren

Печатается с разрешения литературного агентства Salomonsson Agency

Фотография автора на обложке – © *Timm Vladimir*

Copyright © Katrine Engberg, 2016

© Жиганова В., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

***

Если вам по душе триллеры и вы ищете нового любимого автора, то вполне можете начать отсюда. Датчанка Катрине Энгберг дебютирует в криминальном жанре с оригинальной и жуткой историей...

ALT for Damerne

...Не очередной шаблонный криминальный роман... Он просто потрясающий! Пугающий, непредсказуемый, написанный с пристальным вниманием к деталям...

Liv

***

Катрине Энгберг – танцовщица и хореограф, после театра и телевидения удачно дебютировавшая на скандинавской литературной сцене. Роман «Крокодиловый сторож», в 2016 году номинировавшийся на датскую премию «BogForum Debutant Prize», – это начало нового остросюжетного цикла и свидетельство появления нового яркого автора.

***

Тимму. Отныне

Среда, 8 августа

Глава 1

Утренний свет сочился сквозь массивные гардины, увлекая за собой частички пыли, Греггерс восседал в кресле, наблюдая перемещение пылинок по гостиной. На пробуждение уходило невероятно много времени, так что вставать едва ли имело смысл. Его руки покоились на отполированных подлокотниках, голова откинулась назад, нижняя челюсть безвольно упала на грудь, глаза были прикрыты от мерцающего света; вдруг с кухни послышалось ворчание кофеварки.

После краткого обратного отсчета он приподнялся с кресла, нащупал тапочки и мелкими шажками направился к кухне, пол которой был устлан линолеумом. Маршрут был неизменен: вдоль буфета красного дерева, мимо зеленого кресла, к стене с проклятым поручнем, установленным в прошлом году социальным работником. «Спасибо, я отлично обойдусь без него», – тщетно настаивал тогда Греггерс.

Вынув из резервуара использованный фильтр, он бросил его в мусорку под раковиной. Снова переполнена. Греггерс снял мешок с пластиковой рамы и остановился у стола лицом к двери. Уж по крайней мере свой собственный мусор он еще в состоянии выносить. Он покоился на коллекцию бутылок, выстроенных на лестничной клетке этажом выше. Проклятые пьянчуги. Слава богу, давненько не устраивала она этих истерических вечеринок, плавно протекающих в следующий день. Что это за люди, черт их возьми, которые могут позволить себе пить ночь напролет? Причем в разгар рабочей недели!

Ступеньки проседали под ногами, он как можно крепче держался за перила. Конечно, разумнее было бы переехать в более современное и безопасное место, но Греггерс всю жизнь прожил в центре Копенгагена и предпочитал подвергаться риску растянуться на кривых ступеньках, нежели доживать свои дни в какой-нибудь богадельне на северо-западе города. Добравшись наконец до второго этажа, он поставил мешок с мусором на пол и прислонился к дверному косяку. Две молоденькие студентки, обитающие за этой дверью, служили источником постоянного раздражения и в то же время незаметно пробуждали в Греггерсе какую-то неуклюжую тоску. Их вспархивание вверх по лестнице, ароматные волосы и беззаботные улыбки – все это пробуждало воспоминания о летних ночах и романтических поцелуях. О некогда пережитых чувствах; обо всем, что так и осталось в мечтах, ибо в юности он возлагал все надежды на завтрашний день и слишком поздно осознал, что жизнь уже на исходе.

Немного отдышавшись, он поднял глаза и обнаружил, что дверь к юным прелестницам приоткрыта. Яркий свет струился из образовавшейся щели. Девушки были молоды и легкомысленны, но не настолько глупы, чтобы спать с незапертым запасным выходом! На часах была половина восьмого утра, они могли, конечно, только что вернуться, но все же... И почему у них горит свет?

– Привет? Есть тут кто-нибудь?

Он осторожно толкнул дверь носком тапка, она легко отворилась. Греггерс невольно отпрянул. Не хотелось бы прослыть старым развратником, шпионящим за юными дамами. Возможно, будет лучше прикрыть дверь и вынести мусор, пока кофе не выкипел окончательно.

Крепко вцепившись в косяк, Греггерс потянулся к дверной ручке, однако недооценил расстояние. В это жуткое мгновение, растянувшееся на целую вечность, он осознал, что ему не хватает сил удержать свой вес. Тапки заскользили по гладкому деревянному паркету, и он потерял равновесие. Греггерс сопротивлялся из последних сил, которых уже и так почти не осталось, но все-таки беспомощно ввалился в квартиру девушек, жестко приземлившись на пол.

Причем не с грохотом, а с глухим стуком – так точнее было бы охарактеризовать жалкий звук, произведенный падением иссохшего стариковского тела в бархатном халате.

Для начала Грегерс попытался сделать вдох. Перелом бедра? Что скажут о нем люди? Впервые за много лет ему хотелось расплакаться. Он закрыл глаза и стал ждать, когда его обнаружат.

На черной лестнице вновь воцарилась тишина. Он ожидал услышать крики и звук спешно приближающихся шагов, но ничего не происходило. Спустя несколько минут он открыл глаза и попытался сориентироваться. Его слепила свешивающаяся с потолка шестидесятиваттная лампочка, и все же он различил белые стены с абстрактным узором, шкаф с кастрюлями и специями, а также кучу сапог и ботинок, наваленных у стены; часть обуви, видимо, находилась под ним. Он осторожно покрутил головой, чтобы понять, нет ли повреждений. Нет, с головой все в норме. Уже неплохо.

Тогда он сжал кулаки. И здесь адекватная реакция. Проклятые ботинки! Он попытался сдвинуть их, чтобы оказаться непосредственно на полу, но ничего не получилось. Он посмотрел в направлении нижней части своего туловища, стараясь сфокусировать взгляд на неподатливых туфлях. Неприятное ощущение в желудке вдруг выросло в огромный удушающий ком, распиравший все тело. Кроме ботинка, из-под его старческих ноющих бедер торчала чья-то голая нога, а чуть дальше виднелось и искривленное тело, откуда нога брала начало. Она напоминала конечность манекена, но Грегерс ощутил мягкую кожу, касающуюся его руки, а потому сразу все понял. Он приподнял руку и увидел кровь – на своей коже, на полу, на стенах. Кровь была повсюду.

Сердце Грегерса затрепетало, как волнистый попугайчик, стремящийся вырваться из клетки. Он был обездвижен, и его бессильное тело охватила паника. Вот я и умираю, подумал он. Он хотел закричать, но голос, способный издать крик о помощи, покинул его много лет назад. Из глаз покатились слезы.

*

Эстер долбила по будильнику, пытаясь положить конец адскому трезвону, грозившему расколоть ей голову. Переход от сна к реальности был тяжелым и неотчетливым, и лишь на третий раз она поняла, что звук исходит от входной двери. Причем весьма и весьма настойчивый. Два мопса, Эпистема и Докса, истерично лаяли в ревностном стремлении защитить свою территорию. Она заснула прямо на покрывале, и на лице образовались такие глубокие отпечатки, что их можно было почувствовать на ощупь. Дьявол. Выйдя на пенсию около года назад, она позволила себе окончательно превратиться в «сову» и редко вставала с постели раньше десяти часов. Старинные латунные часы с двумя пастушками, доставшиеся ей от матери, показывали 8.35. Она не знала никого, кто мог бы заявиться в такую рань. Если это окажется проклятый почтальон, придется запустить в него чем-нибудь тяжелым. Да хоть теми же пастушками.

Замотавшись в лиловое шелковое покрывало, она поковыляла к двери, голова раскалывалась. Неужели накануне она почти прикончила коробку красного вина? Наверняка она выпила больше пары стаканов, которые обычно позволяла себе в процессе творчества.

Тело ныло и сопротивлялось утренней рутине: растяжка, дыхательные упражнения, овсянка с изюмом. Возможно, придется даже прибегать к болеутоляющим, раз уж сегодня все так неудачно складывается. Эстер встряхнулась и глянула в глазок.

На лестнице стояли мужчина и женщина, Эстер их не узнала. Но она была без очков, к тому же вряд ли могла запомнить каждого из многих сотен студентов, за долгие годы прошедших через учебную аудиторию на Ньяльсегде. Кроме того, она почти с уверенностью могла сказать, что эти двое не принадлежали к числу бывших студентов-литературоведов. Они выглядели чересчур решительно для выпускников университета. Женщина была высокого роста,

широкоплечая, в тесноватом синтетическом пиджаке, с узкими губами, покрашенными розовой помадой. Ее светлые волосы были собраны в конский хвост, кожа казалась поврежденной многолетним злоупотреблением солярием. Мужчина был худощав, с волосами редкого желтоватого оттенка, его можно было бы, пожалуй, даже назвать привлекательным, если бы не мертвенная бледность. Кто они, мормоны? Свидетели Иеговы?

Она открыла дверь. Эпистема и Докса загавкали за ее спиной, приготовившись к войне.

– Надеюсь, у вас была по-настоящему важная причина, чтобы меня разбудить!

Если они и удивились ее облачению, то по крайней мере никак своего удивления не выдали. Мужчина серьезно посмотрел на нее грустными глазами.

– Эстер ди Лауренти? Мы из полиции Копенгагена. Я Йеппе Кернер, а это моя коллега, следователь Анетте Вернер. Боюсь, у нас плохая новость.

Плохая новость. Желудок Эстер скрутило. Она отступила в гостиную, чтобы дать полицейским войти. Собаки вмиг почувствовали смену настроения и, разочарованно поскуливая, потрусили вслед за хозяйкой.

– Проходите, – произнесла она хриплым голосом, садясь на диван.

– Спасибо, – ответил мужчина, Керлер, кажется, его зовут? Он с опаской обошел малорослых псин и пристроился на краешке кресла. Женщина осталась в коридоре и с любопытством осматривала комнату.

– Примерно час назад владелец кафе-бара с первого этажа обнаружил вашего соседа снизу, Грегера Германсена, в разгаре сердечного приступа. Его отвезли в больницу и приводят в порядок. Ему повезло, что его быстро нашли, сейчас, насколько нам известно, его состояние стабильное. Он растянулся прямо на пороге квартиры на втором этаже.

Эстер взяла френч-пресс со вчерашним кофе, но поставила его обратно, так им и не воспользовавшись.

– Это должно было рано или поздно случиться. Грегера уже давно был совсем плох. А что он делал на втором этаже?

– Вы знаете, мы как раз надеялись, что вы поможете нам пролить свет на этот факт.

Полицейский скрестил руки на груди и спокойно посмотрел на нее.

Эстер отложила тяжелое покрывало на диван честерфилд, уже занятый какими-то бумагами, смятыми одноразовыми платочками и несколькими небрежно брошенными кардиганами. Молодые люди, вероятно, переживут вид пожилой дамы в ночной сорочке.

– Скажите мне наконец, что вы здесь делаете? С каких это пор полиция вторгается в дом, где старик упал от сердечного приступа?

Сотрудники полиции обменялись взглядами, которые сложно было расшифровать. Вероятно, сами они прекрасно друг друга поняли, так как женщина кивнула с порога и слегка отклонилась назад. Керлер осторожно отодвинул стопку книг и чуть глубже устроился в кресле.

– Фру Лауренти, вы слышали что-нибудь необычное накануне вечером или ночью?

Во-первых, Эстер передернуло от того, что ее называли «фру», а во-вторых, она не слышала ничего, кроме релаксационной композиции с песнями китов, в настоящий период времени она прослушивала эти звуки в качестве снотворного, когда красное вино не справлялось с этой ролью.

– Во сколько вы вчера легли спать?

Он и не думал останавливаться.

– За последние несколько дней в вашем доме происходило что-нибудь необычное? Говорите все, что придет на ум.

Взгляд полицейского был спокойным и открытым. Он снова скрестил руки на груди.

– Вы вытаскиваете меня из постели ни свет ни заря, я сижу перед вами в ночной рубашке, не успев даже выпить кофе, и я хочу знать, в чем дело, прежде чем отвечать на какие бы то ни было вопросы! – Эстер поджала губы.

– Ранним утром Грегерс Германсен обнаружил в кухне на втором этаже труп молодой женщины. – Полицейский говорил медленно, не сводя с нее глаз. – Мы находимся в процессе установления личности жертвы и выяснения причины смерти, однако уже знаем, что речь идет о преступлении. Господин Германсен испытал колоссальное потрясение и пока что не в состоянии общаться с нами. Необходимо, чтобы вы рассказали все, что вам известно о жильцах дома, а также о том, что происходило в подъезде в течение нескольких последних дней.

Эстер почувствовала, как волна шока охватывает ее тело, распространяясь от шиколоток к бедрам и парализует грудную клетку, и засомневалась, что может дышать. Кожа у нее на голове съезжилась, коротко подстриженные волосы, подкрашенные хной, от долгой дрожи встали на затылке дыбом.

– Кто? Это кто-то из девочек? Неправда. В моем доме никто не может умереть.

Она сама поняла, как нелепо это прозвучало, как-то бездумно и наивно. Почувствовав, что пол уходит у нее из-под ног, она схватилась за подлокотник, боясь упасть.

Полицейский протянул руку, чтобы поддержать ее.

– Так что там насчет кофе, фру Лауренти?

Наконец-то оторвавшись от блюда с остатками хлеба с джемом, оса с жуужжанием перебралась на стопку книг. Резкий щелчок диспенсером для скотча, и расплющенное тельце насекомого отправляется в свой последний полет в распахнутое окно.

Вдохнув аромат нового дня, она была вынуждена зажать ноздри пальцами, чтобы подавить ощущение щекотания в носу. Прекрасное чувство, смесь меланхолии и счастья, нужно было попытаться сохранить его как можно дольше. Волосы еще влажные после душа в кабинке, покрытой толстым слоем известкового налета. Придется срочно что-то с этим делать, чем-то обработать, что ли. Комната наполнилась солнечным светом и звуками утреннего города. Автомобильные гудки, крики велокурьеров, переругивающихся с ранними туристами, аромат свежесмытого асфальта.

День начался с тоста и крепкого кофе, все еще остывающего на круглом столике в кухне по соседству с айфоном. Ни звонков, ни сообщений. Она проверила в очередной раз. С тех пор как она съехала из дома, прошло совсем немного времени, поэтому она по-прежнему находила прелесть в повседневных хлопотах вроде похода за покупками или стирки. Она еще толком не приспособилась к новому быту, просто наслаждалась возможностью совсем «по-взрослому» решать, когда, как и что делать.

К пустоте в холодильнике она не привыкла. Невозможность заполнить его брезаолой и экологичными овощами приводила ее в состояние подавленности. Всякий раз она приносила из супермаркета губки для мытья посуды и овсяные хлопья. Она как будто еще не нашла своего места в мире. Хотя периодически она попадала в обнадеживающие ситуации – к примеру, когда в прачечной, суша белье, оказывалась среди таких же молодых людей, улыбалась поверх дозатора с порошком и с готовностью пересаживалась, чтобы освободить кому-нибудь место за складным столиком. Тогда она бывала не одинока. Но воодушевление длилось недолго. Стоило ей втащить к себе наверх икейный мешок с еще влажной одеждой и очутиться в квартире одной-одиношеньке, недавние чаяния мгновенно улетучивались.

Глава 2

Йеппе смотрел на узкую ручку, которую сжимал кончиками пальцев. Эстер ди Лауренти облачилась в банный халат и сварила кофе, теперь они сидели в мягких креслах и ждали, пока она соберется с мыслями. Гостиная изобиловала цветами, безделушками и всяким хламом, Йеппе чувствовал себя неуютно в этом женском бардаке. Стены от пола до потолка были скрыты за стеллажами с книгами всех сортов. Тома с выгоревшими кожаными корешками, книги в мягких обложках, красочные брошюры о еде и растениях. Деревянные фигурки и пыльные безделушки со всех концов мира заполняли пространство на полках и стенах, на каждой горизонтальной поверхности лежали кипы мелко исписанных рукописей с красными подчеркиваниями.

Внизу перед выкрашенным охрой фасадом уже собирались первые журналисты. Представители прессы не удовлетворились прослушиванием полицейского радио, а предпочли своими ушами внимать неумолкающим сиренам и самостоятельно контролировать обновление информации в социальных медиа. Стоило появиться какому-нибудь сообщению о присутствии где-либо полиции, и журналисты прибывали на место какими-то минутами позже первых машин скорой помощи. И вот уже с утра пораньше новостники вещают прямо в камеры, мечущимися между их лицами и толпой криминалистов в белом.

– Я являюсь собственником дома и сдаю второй и третий этажи. Грегерс живет подо мной уже двадцать лет, с тех пор как развелся. Помещение на первом этаже обновляется раз в несколько лет, сейчас там кафе-бар. Его открыли двое молодых людей...

Речь Эстер ди Лауренти лилась неспешным потоком, но ее беспокойный взгляд выдавал человека в состоянии шока. Спину Йеппе пронзил спазм боли, и он уперся ступнями в пол, чтобы боль утихла и он снова смог сосредоточиться на рассказе.

– Каролина живет на втором этаже полтора года. В прежние времена я была знакома по копенгагенскому университету с ее родителями, потом они переехали западнее. У нас с ними был своего рода творческий клуб. Сначала с ней жил парень, но зимой и он свалил. А весной его место заняла Юлия.

Четкая дикция Эстер ди Лауренти контрастировала с грубыми словечками, регулярно проскакивавшими в изящных фразах. Сценическая речь – но скорее в духе Сисе Бабетты, чем Гиты Нёрбю.

– Они давние подруги, знают друг друга со школы. Прекрасные квартирантки, – продолжала Эстер, вдруг остановив взгляд на вазочке из рифленого фарфора. – Кто? Неужели это ее убили?

– Еще не произведено окончательное опознание. – Йеппе пытался говорить утешительным тоном. – Я прекрасно понимаю, что вам тяжело, но еще рано говорить что-либо о причине смерти.

В душной комнате повисла тишина. Эстер ди Лауренти была не при макияже, и множество тонких морщинок на светлой коже вокруг глаз и на шее усиливали отчаяние в ее взгляде. Анетте присела на корточки у входа в гостиную и чесала золотистый живот мопса. Собака довольно похрюкивала.

– В вашем доме в последнее время происходило что-нибудь необычное? Что угодно. Незнакомые люди, посещавшие девушек, беспорядки вблизи здания, ругань? – спросил Йеппе.

– Подумать только, эти фразы звучат на самом деле! – Эстер по-прежнему сидела, повернувшись лицом к вазе. – Я словно попала в какое-то кино!

Милый мопсик устал от внимания Анетте и мелкими шажками перебрался в свою корзинку.

– Мы ведь тут не лезем друг другу за пазуху, – объяснила наконец Эстер свою реакцию. – Юлия и Каролина – молодые девушки, живущие насыщенной жизнью, с парнями или без парней, почему мне знать. У них часто громко играет музыка, и ночные тусовки случаются, но у меня самой то и дело такое бывает. Бедняга Грегерс, как он только нас выносит. Хорошо, что он туговат на ухо.

Эстер потеряла ход мысли. Йеппе терпеливо выжидал, взглядом попросив Анетте прекратить постукивать по дверному косяку.

– У Каролины новый парень, Даниэль. Симпатичный юноша, тоже родом откуда-то из Гернинга. Но я уже давно его не видела. Юлия, судя по всему, одинока. – Она произнесла это слово, словно оно было шероховатым и вызвало какие-то непривычные ощущения во рту.

Йеппе зафиксировал ее слова в своем блокнотике, и в гостиной вновь воцарилось молчание. Потрескивала собачья корзинка, Эстер расправляла на коленях складки халата. С улицы послышался звук автосигнализации.

Ожидание стало Анетте в тягость, и она громко вздохнула, стоя в дверях. Дипломатичность никак не входила в список ее достоинств, и когда им с Йеппе доводилось работать вместе, свидетельские показания обычно брал он.

За восемь лет совместной работы они притерлись друг к другу и часто оказывались в одной команде, когда руководители формировали группы, расследующие текущие дела. Этот день не стал исключением. Когда комиссар полиции ранним утром прибыла на место преступления, она тут же вызвала, помимо главного следователя, судмедэксперта, представителя Центра криминалистической экспертизы и следователей полиции Кернера и Вернер. Очевидно, вдвоем они могли обнаружить что-то такое, на что никто, кроме них, не обратил бы внимания. Само созвучие их фамилий бесконечно раздражало Кернера, когда он представлялся свидетелям и родственникам.

Он считал, что в ней есть что-то от бульдозера, она называла его впечатлительным лицемером. В хорошие дни они единодушно пилили друг друга, как давние супруги, в плохие дни он был готов просто-напросто столкнуть ее в Эресунн.

Этот день был из плохих.

– Каролина, кажется, на этой неделе собиралась в поход на байдарках, – продолжала Эстер. – Думаю, она еще не вернулась. Юлию в последний раз я видела позавчера, она заходила ко мне одолжить предохранитель. Выглядела как обычно – улыбчивая, радостная. Да нет, не может быть, чтобы мы действительно вели этот разговор!

Йеппе чуть заметно кивнул. Шоковое состояние всегда сопровождается ощущением нереальности происходящего.

– Не могу поверить! Может, это какая-нибудь их подруга? – В ее голосе прозвучали нотки отчаяния.

– К сожалению, пока ничего не известно. У вас есть телефоны девушек?

– На холодильнике висит листок с телефонами. Можете взять.

– Спасибо, фру Лауренти, они нам очень пригодятся. – Йеппе встал с кресла, давая понять, что визит окончен. Анетте уже была у холодильника и вытаскивала записку из-под магнита в виде мопса. Йеппе услышал, как что-то упало на пол, а затем раздался возмущенный стон Анетте.

– Нам нужно будет поговорить с вами чуть позже. Можно встретиться с вами во второй половине дня? – спросил Йеппе, пытаясь обойти стеклянный столик, заваленный бумагами и уставленный чашками, так, чтобы ничего с него не смахнуть.

– Я бы сходила проведать Грегерса, а так никаких планов у меня нет. – Эстер ди Лауренти прикрыла рукой золотой медальон на шее, словно хотела его защитить.

– Мы пришем дактилоскописта, вдруг он обнаружит какие-нибудь интересные отпечатки в подъезде и на входной двери. Также он снимет ваши отпечатки, если вы не против. Чтобы действовать методом исключения.

Она кивнула.

Поняв, что хозяйка не собирается их провожать, Йеппе отступил в коридор, где уже стояла Анетте, держась за ручку входной двери. Йеппе попрощался с затылком миниатюрной женщины, пристроившейся на диване и олицетворявшей собой какую-то ущербность. Эстер ди Лауренти выглядела в этот момент как человек, крайне нуждающийся в объятиях.

На лестничной площадке притомившаяся Анетте вздохнула.

– Господи, избавь меня от одиноких баб со всем их барахлом! – заныла она, не дожидаясь, пока дверь закроется как следует.

Йеппе притянул дверь за ручку.

– Значит, если бы она была одинока, но без барахла, было бы лучше?

– Естественно! Первое, что нужно сделать, если выбираешь отшельнический образ жизни, – это, черт возьми, прибраться как следует! – Слащавая улыбка смягчила остроту фразы.

Йеппе вытащил из кармана пачку дезинфицирующих влажных салфеток и протянул Анетте. Она взглянула на него из-под вздернутых бровей и отрицательно покачала головой.

– Эй, ты в курсе, сколько паразитов скрывается в шерсти лучших друзей человека? Не говоря уже о бактериях, пылевых клещах и том, что собаки лижут причинное место несколько раз в час.

– Йеппе, это уже на грани шизофрении – так панически бояться бактерий.

– Мы идем на место преступления, возьми-ка!

Йеппе выдернул салфетку и протянул напарнице. Анетте взяла ее и начала спускаться по лестнице.

– Знаешь, Йеппе, ты больной на всю голову! Кстати, это называется задницей, у собак в том числе.

Йеппе тщательно вытер руки и сунул мятую салфетку в карман. Затем стерильными пальцами взял протянутую Анетте через плечо бумажку с холодильника, исписанную крупным, беглым и трудноразборчивым почерком, с четырьмя именами и телефонами. Стационарный номер Грегера Германсена, ниже – мобильные телефоны двух девушек. Каролины Боутруп и Юлии Стендер. В самом низу стояла заглавная буква К, после нее – несколько каракулей и еще один номер.

Анетте приподняла оградительную ленту и открыла дверь в квартиру со словами:

– Ну что, девушки? Как продвинулись?

– А, Анетте! Наверное, булочки на завтрак принесла? – весело ответили ей из квартиры. Анетте надела голубые бахилы и, смеясь, вошла внутрь. Место преступления – там она всегда была на коне.

Полицейский с собакой уже закончил работать в коридоре, Йеппе кивнул кинологу, который собирался спускаться вниз со своей овчаркой. Теперь им предстояло изучить двор и близлежащую часть улицы в поисках хоть какого-то предмета, сохранившего человеческий запах, что, впрочем, могло оказаться совершенно бесполезным в деле поиска преступника.

Йеппе нагнулся за полиэтиленовыми бахилами. Последний раз он надевал такие прошлой весной, когда они с Терезой перекрашивали прихожую в серый цвет, официальное название которого звучало как «духовные откровения», что дало им повод для многочисленных шуток. Он возился с бахилами долго. Десять лет работы в криминальном отделе научили его стойко выносить вид изувеченных тел, но он никогда не позволял себе расслабиться на месте

преступления. Возможно, дело было в обострившейся с возрастом восприимчивости. В осознании смерти как основополагающего закона. А может, просто давало себя знать влияние коктейля из медикаментов, который пришлось проглотить по дороге, чтобы унять сильнейшие боли в спине.

Йеппе натянул латексные перчатки, на секунду задержал руку на дверном косяке и последовал за Анетте. Все начиналось сразу за входной дверью. Кровь перепачкала стены и пол, белые стрелки на небольших черных наклейках отмечали направление брызг. В дверном проеме фотограф-криминалист запечатлевал на снимках груды окровавленной одежды. Ощувив теплый запах парного мяса, Йеппе попробовал дышать ртом. Стала сильнее пульсировать вена над правым глазом. Это только поначалу так, через несколько минут привыкаешь.

Прихожая вела в комнату, выполнявшую, по-видимому, несколько функций. Там стоял деревянный обеденный стол, окруженный складными стульями, диван, старинный сундук, используемый как журнальный столик, и угловой письменный стол с открытым ноутбуком. Несмотря на теплое летнее утро, все три створки окна, выходящего на Клостерстред, были плотно закрыты. Воздух был спертый, и Йеппе почувствовал себя некомфортно.

Гражданский специалист, которого настоятельно рекомендовали пригласить в отделе дактилоскопии, стоял на коленях в своем хлопчатобумажном костюме и обрабатывал блестящие стеновые панели. Духота становилась давящей. Йеппе прислонился к стене, опустил глаза и пытаясь сделать вид, что задумался. Нужно было немного постоять и отдышаться, чтобы преодолеть недомогание и выровнять сердцебиение. Только не слушать учащенный пульс. Ни в коем случае не поддаваться приступу страха.

Он взял себя в руки и, кивнув в направлении стены, поинтересовался:

– Есть что-нибудь?

Дактилоскопист молча двигался на карачках задом вдоль стены. Это был один из гражданских специалистов, прикрепленных к Центру криминалистической экспертизы. Йеппе не очень хорошо был с ним знаком. Гражданских к криминальным делам обычно не привлекали, но во время летних отпусков действовали иные правила, чем в течение всего остального года.

Йеппе откашлялся.

– Нашли что-нибудь?

Дактилоскопист поднял глаза, раздраженный тем, что его отвлекают.

– Много всего. На бутылках и стаканах, на нескольких бумагах и клавиатуре ноутбука. Ряд неплохих образцов рядом с телом. Но здесь давно не прибирали, отпечатки могут оказаться старыми.

Он вновь склонился над панелью и осторожно прижал к ней лист, похожий на самоклеящуюся бумагу, после чего наложил его на небольшую прозрачную пластину. Йеппе незаметно отошел, чтобы не мешать работе, сделал глубокий вдох и вошел в гостиную.

На ветхом лоскутном ковре сидел на корточках Клаусен, следовательно от Бога, и распылял на ковер какую-то прозрачную жидкость. Отчетливо проступало скопление кровавых пятен, приобретая под действием жидкости фиолетовый цвет. Клаусен принялся собирать образцы ватной палочкой, осторожно кладя каждую в отдельный бумажный пакет.

Клаусен был одним из самых опытных экспертов-криминалистов в полиции. Он принимал участие в следственной работе над делом об улице Блекинге¹, идентифицировал останки в массовых захоронениях в Косово, участвовал в разборе завалов после цунами в Таиланде. Он всегда излучал бодрость и оптимизм и противопоставлял ужасам, с которыми сталкивался во время своей нелегкой работы, грубоватый черный юмор. Но сейчас даже ему было не до шуток.

---

¹ Улица Блекинге известна своим криминальным прошлым, пришедшимся на 70–80-е годы XX века. Именно там бесчинствовала леворадикальная группировка, ограбившая немало банков. В 1989 году семерым членам группы были предъявлены обвинения в причастности к серии самых громких ограблений в истории Дании. Похищенные миллионы крон переправлялись Народному фронту освобождения Палестины на поддержку борьбы с Израилем (*Здесь и далее примеч. пер.*).

– Привет, Кернер, рад тебя видеть. Постарайся ничего тут не трогать. Вся квартира в крови, нам нужно взять еще кучу образцов.

Клаусен вырезал кусок ковра ножом с выдвижным лезвием и отправил пропитанный кровью клочок в очередной коричневый пакетик.

– Настоящий кавардак ждет нас по возвращении в управление, когда придется все это каталогизировать. Работа займет несколько дней. У нас уже свыше шестидесяти предметов с кровавыми пятнами.

Через секунду после смерти мы становимся чьей-то работой. Кем же она была, эта молодая женщина, частички которой теперь соскребали с пола и складывали в пакеты? Почему именно ей не суждено было построить карьеру, выйти замуж, родить детей? Йеппе с неприятным чувством подумал о семье, которой придется сообщить новость, как только тело будет опознано. Страх, непременно загорающийся в глазах, когда следователь представляется, затем проблескивает надежда – наверное, что-то стряслось с дядюшкой, мы ведь легко перенесем потерю дядюшки, и, когда оказывается, что речь идет о ком-то очень близком, – плач, крики или, что еще хуже, безмолвное смирение. Эта часть работы всегда его удручала.

– Ясно с орудием убийства? – Голос Анетте прорезал плотный воздух квартиры.

– Возможно, – отозвался Клаусен. – Нам по-прежнему неизвестно наверняка, от чего она умерла. Но точно применялся нож, и у нас уже есть предполагаемое оружие. Ее пырнули острым узким лезвием, очень похожим вот на этого дружка. – Клаусен осторожно приподнял чистый на вид складной нож с выпущенным лезвием и продемонстрировал его Анетте и Йеппе.

– Его вытерли, что ли? Слишком уж чистый.

– Да. Почистили основательно, может, даже вымыли. И все же на лезвии была кровь. Сейчас покажу. – Клаусен вытащил из своего ящика с аккуратно разложенными инструментами картонную палочку и потер намотанной на нее желтой ваткой лезвие ножа. Ватка мгновенно позеленела. – Реагирует на красные кровяные тельца, – объяснил он.

– Почему тогда это – не орудие убийства? – резко поинтересовалась Анетте.

– Я этого не говорил. Но судмедэксперты просили нас искать тяжелый тупой предмет. Пока ничего подобного с какими-то следами обнаружить в квартире не удалось.

– Кстати, о следах. Я предупредил соседку сверху, что вы пришлете к ней кого-нибудь снять отпечатки пальцев, – вспомнил Йеппе.

– Отлично, Бовин сходит.

– Он из гражданских?

– Да, но толковый. Пришлю его, как только он тут закончит.

Йеппе легонько похлопал Клаусена по плечу и вышел из комнаты. Место преступления во многом напоминает театральную постановку. Та же система условностей, в совокупности создающих целостную картину. Те же ключевые реплики и сигналы. Йеппе испытывал постыдную зачарованность динамикой и органичным ритмом действий специалистов на месте преступления.

Кухню оккупировал судмедэксперт Ньюбо, он занимался трупом, лежащим головой к стене и напоминавшим предмет, забытый кем-то на пестром тряпичном коврике. На девушке были обрезанные джинсы, белый кружевной бюстгальтер, кеды, руки были обнажены. Ее длинные светлые волосы раскинулись липкими щупальцами, создав вокруг головы подобие солнца с детского рисунка.

Ньюбо был зрелым почтенным мужчиной, разговаривавшим со свойственным медикам участием и очень быстро, словно стремясь отпугнуть дилетантов первыми же фразами. Это был патологоанатом на государственной службе, он пользовался огромным уважением, но Йеппе он не очень нравился. У него было смутное ощущение, что эта антипатия взаимна.

– Здорово, Ньюбо, ну как там? – Йеппе присел на корточки рядом с судмедэкспертом и посмотрел на тело.

Ньюбо покачал головой.

– Какое-то дерьмо. – На этот раз он говорил в обычном ритме. – Жертва – молодая женщина двадцати с небольшим лет. Она подверглась грубому насилию, на голове несколько глубоких порезов и следы от ударов тяжелым предметом. Тимпанальная температура 28 градусов, окоченение к моменту моего прихода чуть менее часа назад уже началось. Значит, смерть, вероятно, наступила между десятью вечера и четырьмя утра. Однако, как ты догадываешься, пока что я ничего не могу сказать наверняка. Никаких внешних признаков сексуального насилия. Порезы на ладонях и предплечьях указывают на то, что она оказывала сопротивление, но есть также несколько, мм... порезов, нанесенных, пока она еще была жива.

– Ты хочешь сказать, ее изрезали до того, как наступила смерть?

Ньюбо кивнул с серьезным выражением лица. Между двумя мужчинами повисло молчание. Оба знали, что впереди – натиск прессы и распространение панических настроений среди населения. Не говоря уже о реакции достойных всяческой жалости родственников.

– Лицо повреждено довольно сильно, но, к счастью, есть несколько татуировок, которые упрощают опознание. Да, еще обнаружен орнамент.

– Орнамент? – Йеппе поймал взгляд Ньюбо.

– Преступник изрезал лицо жертвы после наступления смерти. Я не искусствовед, но похоже на художественную резьбу по бумаге. – Ньюбо устало вздохнул.

– Резьбу по бумаге? И что это значит? – Йеппе недоуменно сдвинул брови.

Ньюбо взял труп за подбородок. Осторожным движением он развернул окровавленное лицо к резкому свету из прихожей.

– Кажется, убийца вырезал для нас валентинку.

Плохие прогнозы Йеппе в отношении предстоящего дня сменились на худшие.

*

Перед зеркалом в человеческий рост Эстер застегнула винтажный блейзер от Хальстона, осторожно разгладив ладонью ткань. Тонкие шерстяные брюки, шелковая блузка и блейзер; она чувствовала, что одета слишком изысканно, слишком формально, но ей нужна была одежда, которая помогла бы ей выдержать этот день.

Мысли роились в голове. Юлия или Каролина? Нет, Юлия не может быть. Не должна быть Юлия. Но и не Каролина. Крошка Каролина, которую она знала с самого рождения. Какова вероятность того, что это окажется незнакомка? Подруга попросилась переночевать и пригласила подозрительного субъекта? Головная боль тяжким бременем таилась позади глазных яблок, не реагируя на пару таблеток ипрена, проглоченных перед приемом ванны.

Эстер услышала, как в кухне копошится Кристофер, и мысленно благословила его. Он уже почти четыре года был ее учителем пения, но со временем отношения между ними развились в нечто более глубокое. Он стал ее близким другом, хотя она была в три раза старше. Никого другого она бы сейчас не вынесла.

– Кристофер, милый, кофе готовишь? – Она вошла в гостиную; он, улыбаясь, наливал кофе из френч-пресса.

Она улыбнулась в ответ и, как всегда, обрадовалась его симпатичному лицу, черты которого свидетельствовали о наличии азиатской примеси в родословной. Раскосые карие глаза, растянувшиеся почти до самых висков, иссиня-черные волосы, худощавое телосложение. Как обычно, он был одет не по размеру: толстовка с торчащей из-под нее рубашкой, джинсы с мотней, болтающейся где-то у колен, вязаная шапка и кожаная куртка. В таком облачении он выглядел еще моложе. Этаким уличный подросток.

Кристофер оставил многообещающую сольную карьеру в пользу нерегулярных подработок и беспорядочного образования. Он сам не знал толком, почему. Однако, казалось, он вполне доволен своей нынешней работой костюмера при Королевском театре, которая позволяла ему по ночам колдовать над весьма специфической электронной музыкой, а также давать уроки нескольким тщательно отобранным ученикам.

Уйдя из университета на пенсию прошлой весной, Эстер пообещала себе всю оставшуюся жизнь заниматься только тем, что ей казалось по-настоящему интересным. Петь, писать и готовить. Множество путешествий, возможно, даже сексуальная связь, если ей еще доведется когда-нибудь встретить кого-то, кого она возжелает. Никаких больше экзаменов и преподавательских совещаний!

Эстер плюхнулась в персиковое каминное кресло, водрузив ноги на специальную подставку из того же комплекта. Кристофер устроился на марокканской подушке на полу. Эпистема и Докса не преминули тут же вскарабкаться к нему на колени, рассчитывая на то, что он их погладит.

– Что стряслось внизу? Почему приехала полиция? – Он интересовался с таким невинным видом, что ей было сложно ответить на эти вопросы. Мягкий тембр его голоса относился к совершенно иной реальности, нежели ужасающие новости.

– На втором этаже обнаружили труп. – Она откашлялась. – Девушка. Они еще не знают, кто. Но выглядит все очень серьезно. Похоже на преступление. – Ее голос охрип. – А Греггерс – в Королевской больнице с инсультом, или что там у него. Как будто весь мир сегодня обрушился.

Кристофер почесывал брюхо Доксы, потупив взгляд. Другой на его месте вскрикнул бы от ужаса, начал докучать расспросами и выказывать потрясение. Но не Кристофер. – Чем я могу помочь?

Сердце Эстер наполнилось благодарностью, и переносить свалившиеся на нее проблемы стало гораздо легче. Она была не одинока.

– Нужно выгулять собак. И еще – не приготовишь нам чего-нибудь поесть?

– Хорошо, пойду прогуляюсь с собачками, и обед за мной. Может, рыбы купить? Посмотрю, что там есть на Фредериксборгтеде. – Эстер кое-чему научила его на кухне, и постепенно Кристофер превратился в искусного домашнего повара.

– Спасибо, дорогой, возьми денег из кошелька в коридоре, ты знаешь, где он лежит.

Эстер откинула голову на спинку кресла и попыталась расслабиться с помощью дыхательных упражнений. Не странно ли, что он не стал ничего спрашивать?

Прекрати! – прошептала она сама себе. – Тебе везде мерещатся привидения, старая дура!

Кристофер заглянул в гостиную.

– Ты что-то сказала?

Она подняла голову и увидела его бледное лицо под серым капюшоном толстовки.

– Я очень сожалею о случившемся. Надеюсь, что не все так плохо, как сейчас кажется, – тихо произнес он, бережно выпихнул собак в коридор и открыл дверь. Эстер услышала незнакомый голос.

– Здесь проживает хозяйка дома?

Эстер выпрямилась и повернулась к прихожей. Кристофер стоял между твякающих мопсов, уставившись на одетого в белый комбинезон мужчину в дверях.

– Да, это я.

Эстер с трудом встала из глубокого кресла и прошла к входной двери, чтобы встретить незнакомца. Это был один из дактилоскопистов; утром она не раз видела, как он входит и выходит из квартиры девушек. Он доверху застегнул свой защитный костюм; красная полоса на лбу говорила о том, что еще мгновение назад на нем был капюшон.

– Мне необходимо взять у вас отпечатки пальцев. – Мужчина протиснулся мимо Кристофера и очутился в тесной прихожей.

– Конечно. Мне сказали, что кто-то за ними придет. Добрый день. Эстер ди Лауренти.

Эстер протянула ему руку. Мужчина поставил на пол тяжелый с виду портфель и ответил на рукопожатие с едва заметной улыбкой.

Наверное, собирать улики на месте преступления – непростая работа. В животе у Эстер сжалось при мысли о том, что происходило на втором этаже ее дома.

– Как это делается? Что нам понадобится?

– Стол и ваши ладони, вот и все. Это займет не больше минуты.

Эстер закатала рукава и указала на рабочий стол. К своему удивлению, она обнаружила, что Кристофер по-прежнему с мрачным видом стоит в дверях. Она замерла и тепло улыбнулась ему. Он явно был потрясен не меньше ее.

Она вскакивает на велосипед и мчится по центру города. Это старенький дамский «Ралей», купленный на полицейском аукционе, да в Копенгагене никто и не ездит на новых велосипедах. Она летит по узеньким улицам навстречу одностороннему движению и наслаждается ветром, от которого щиплет в носу и глазах. Остановиться и купить дорогуций круассан в маленьком кафе, всегда переполненном горожанами с непременными одноразовыми стаканчиками кофе в руках. Бариста долго игнорирует ее, хотя ничего, кроме переполненной раковины, не мешает ему обслужить девушку. Она в раздражении принимает решение уйти, но все-таки остается и ждет.

В городе, где она выросла, нет ни одного кафе, не считая гриля на железнодорожных станциях DSB и пары кофейных столиков в мебельном магазине на центральной улице. С тяжелым сердцем она вспоминает бесконечно тянущиеся вечера с вечной темнотой и скукой. Массивные деревянные двери, всегда плотно закрытые, чтобы не дуло, и вымученные разговоры родителей за gratenom из брокколи. Мать все время болела и очень рано умерла. Ощущение хрупкости было обязательной составляющей их дома, оно присутствовало в бытии столь же конкретно, как большой угловой диван, на котором никогда не сидели гости. Хрупкость и болезнь.

Прохладные летние вечера в тонкой джинсовке и беспокойные метания между заправкой и футбольным полем. Словно шаги могли их куда-то привести. Словно польская водка, которую наливали в банки из-под колы и потягивали через соломку, могла заполнить их существо. Они слонялись по улицам, не она одна была такой; никто не хотел оставаться дома. Они тусовались на остановке и смотрели на проезжающие автобусы. Такой мелкий городок не мог рассчитывать даже на мало-мальски приличный поезд-спаситель. Молодежь была вынуждена связывать свои упования с изношенными рейсовыми автобусами, идущими на Хольстебро.

Она берет свой кофе, прижимает бумажный пакет к рулю и вновь вскакивает на велосипед.

Глава 3

Вернувшись в офис, Йеппе и Анетте уселись за свои регулируемые по высоте столы и принялись вырабатывать план действий. Йеппе принес из кухни две чашки кофе, себе – с двойной порцией сливок, Анетте – черный с сахаром. Они были в одном звании, но, когда работали в команде, он всегда отвечал за кофе, она – за вождение. Это было чуть ли не единственное, что не вызывало никаких споров, этакий островок спасения в бурном водовороте их взаимодействия.

Полицейская префектура Копенгагена – это довольно красивое в своей внушительности здание, прелесть которого в значительной степени была нарушена целым рядом модернизаций, прошедших в последние годы. Однако перемены не коснулись Отдела расследований преступлений против личности, также именуемого Отделом убийств, которому позволили сохранить свой первоначальный зловещий облик со сводчатыми потолками и темно-красными стенами с лампами. Здесь дизайнерам разрешили лишь поменять мебель, не трогая облупившуюся краску и атмосферу катакомб. Результатом оказалась причудливая комбинация запущенности и неестественности.

– Мы уверены в точности опознания? – выдала Анетте. Теперь, когда они сидели друг напротив друга, он, к своему неудовольствию, видел, какой бодрой она выглядела по сравнению с ним. На веки аккуратно наложены голубоватые тени, за истекшие сутки ей, казалось, удалось заполучить и секс, и здоровое питание, и восемь часов беспробудного сна. Ему захотелось обойти стол и спихнуть ее со стула.

Он понимал, что вопрос ее – риторический. Они сопоставили общий вид тела и, с особой тщательностью, две татуировки – одну, в виде пера, на лопатке, вторую, в виде двух звезд с короткой надписью, на правом запястье – с многочисленными фотографиями, обнаруженными в ноутбуке. Жертвой оказалась Юлия Стендер, одна из двух юных квартиранток Эстер ди Лауренти. Если бы им пришлось опознавать жертву исключительно по изуродованному лицу, то определенности быть не могло бы.

– Это Юлия. Несомненно, она. Кто оповестит семью?

Йеппе пролистал свою записную книжку.

– Родители живут в маленьком городке под названием Сёрвад, где-то неподалеку от Гернинга. Займешься?

Анетте напечатала что-то на клавиатуре, после чего набрала номер управления полиции по Средней и Западной Ютландии, чтобы запустить процесс. Ее звонок станет неприятностью для коллег на другом конце провода. Йеппе открыл в блокноте чистый лист и составил список вопросов. В юности он записывал все подряд – идеи, мысли, планы на будущее. Даже путевые заметки. Теперь он целиком и полностью сосредоточился на работе.

ЗНАКОМЫЕ МУЖЧИНЫ, – аккуратно написал он заглавными буквами.

НАЙДЕННЫЙ НОЖ?

КАРОЛИНА, – добавил он и поставил восклицательный знак.

ОРУДИЕ УБИЙСТВА (НЮБО/КЛАУСЕН)

КОМПЬЮТЕР И ТЕЛЕФОН ЮЛИИ, – продолжил он и добавил:

ЖИТЕЛИ ДОМА в конец перечня.

Он услышал, как Анетте лающим голосом дает распоряжения в телефонную трубку:

– Я же говорю – Стендер! С-Т-Е-Н-Д-Е-Р, поняли наконец? Кристиан и Улла Стендер. Они проживают в Сёрваде на ферме рядом с полями. Улица Лесная. Только проинформировать, не расспрашивать ни о чем, ясно? Мы сами приедем. перезвоните, когда вернетесь.

Короткое «до свидания» на другом конце провода было прервано стуком трубки, брошенной Анетте на телефон.

– Можешь вычеркнуть этот пункт из списка, Йеппесен! – сухо усмехнулась она и вскочила со своего места; на брюках не успели расправиться неряшливые складки на широких ляжках. – Ну что же, перейдем к брифингу? Нам нужно распределить кое-какие задания.

Она направилась к двери, не дожидаясь ответа. Йеппе еще немного задержался за столом, проверяя свой список. Йеппесен! Он ненавидел, когда она так его называла.

Сердце Йеппе сжалось при мысли о предстоящих днях. Это дело взбудоражит весь Копенгаген, едва только пресса возьмется за дело. Он уже представил себе заголовки. «Молодая женщина подвергнута издевательствам, изуродована и убита». «Преступник разгуливает на свободе». Это дело было одним из тех, которые полиция обычно считает излишне раздутыми. В среде полицейских подобные случаи называются «женщина в подлесе», то есть преступник успевает удрать задолго до появления полиции. Они чрезвычайно редки. Но время от времени происходят.

Ему нужно было поговорить с комиссаром полиции о том, чтобы во избежание паники как можно дольше не обнародовать подробностей об изуродованном лице. Все подробности, свидетельствующие о психических проблемах преступника, необходимо до поры до времени держать в тайне. Сколько времени они таким образом выгадают? Сутки, максимум двое, и все же это лучше, чем ничего.

Когда Йеппе вошел в столовую, там было на редкость тихо. Обычно в столовой велись разговоры и звучал громкий смех, но по-настоящему серьезные дела всегда подавляли неприужденную атмосферу. Шутки об отрубленных головах, которыми играют в футбол, были частью повседневного грубоватого общения в этой среде. Но на некоторых темах лежал негласный запрет. Дела, связанные с детьми. Дела, в ходе которых явный преступник избегал наказания по небрежности судопроизводства или вследствие каких-то формальностей. И дела вроде этого, которые обещали отобрать у сотрудников все свободное время на неопределенный период.

Один из сотрудников сидел и хрустел пальцами, ритмично и навязчиво. Йеппе пытался абстрагироваться от отвлекавшего его звука. Насильники и убийцы не вырезают на своих жертвах, еще живых, узоры. Рано было строить предположения о том, шла ли в данном случае речь о бывшем возлюбленном с садистскими наклонностями или о чем-то еще более жутком, но, как бы то ни было, в штабе воцарилась давящая тишина, если не считать хруста пальцев. Йеппе оглядел коллег и удалился.

*

– Какой вам этаж? Я нажму, – дружелюбно улыбнулась плешивая женщина с подставкой для капельницы, ее палец застыл в воздухе перед многочисленными кнопками лифта. Эстер улыбнулась в ответ, пожалуй, чересчур широко.

– Пятнадцатый, большое спасибо.

Двери лифта закрылись, между дамами повисло молчание. Эстер была не прочь поболтать – о погоде, о чем угодно, но она понятия не имела, когда эта женщина в последний раз была на улице. Так что ей так и не пришлось раскрыть рта. Женщина вышла на третьем этаже, еще раз улыбнувшись Эстер, и привычно покатила свою капельницу по коридору. Несчастная, подумала она. Впрочем, возможно, она просто напридумывала. Она чуть заметно плюнула на кончики пальцев и, вынув из кармана бумажную салфетку, попыталась оттереть остатки чернил.

Дактилоскопист сказал ей, что Дания является одной из немногих стран мира, которые продолжают применять чернила, и что переход на современную систему сканирования, которую давно использует весь мир, обойдется в сто миллионов крон. Даже Центральная Африка в этом отношении обогнала датчан, просветил он ее, прижимая ее пальцы к подушечке с чер-

нилами, а затем двигая их по картону. Странный тип. Сразу же по окончании процедуры она принялась отмывать руки при помощи щетки для ногтей, но краситель въелся намертво. Пришлось прямо-таки соскабливать его.

Отделение интенсивной кардиотерапии Королевской больницы казалось не самым приятным местом для пребывания. Кто-то попытался замаскировать вездесущее страдание картинками и плакатами. Самые жизнерадостные цвета всегда используются там, где не остается места ни малейшей надежде. Рядом с лифтом даже висела реклама музыкального вечера с участием бывшего начальника полиции, обещающая восемь номеров с аккомпанементом на пианино из песенника для высших народных школ. Эффект оно производило удивительно удручающий. Неужели пациентам поднимет настроение такое сомнительное развлечение, которого и здоровый-то человек больше пяти минут не выдержит? Так думала Эстер, толкая стеклянную дверь в палатное отделение с номером 3-15-2 на серой табличке.

Грегерс Германсен лежал один в двухместной палате лицом к окну, из которого открывался вид на Копенгаген, и, казалось, пытался телепортироваться оттуда усилием воли. Эстер осторожно постучала в открытую дверь. Не оборачиваясь, Грегерс заплакал. Словно ребенок, который сдерживался до того момента, когда наконец придет мать, подует на разбитую коленку и слезы по приходе адресата обретут смысл. Эстер стояла в дверях, быстро подумав, успеет ли она улизнуть, прежде чем он обернется.

– Привет, Грегерс, это я. – Она одумалась и подошла к койке.

Грегерс дал волю слезам, перешедшим в безудержное рыдание с хрипом. Она взяла его за руку и долго простояла так, не говоря ни слова.

Старый друг, бедняга, вот что тебе выпало пережить, думала она, переполняясь состраданием к человеку, с которым была знакома двадцать лет, но которого все-таки не знала. Пожалуй, они никогда не были друзьями, хотя прожили под одной крышей целую вечность. Сейчас это казалось упущением.

Вошла медсестра, та же, которая показывала ей дорогу, и принялась крутить крантик на шланге капельницы, висевшей над кроватью.

– Да, он много плачет. Это нормально, сердечный приступ часто вызывает сильную эмоциональную реакцию. Он очень тяжело перенес шок. Это не редкость у пожилых пациентов. Ведь другого шанса может и не быть.

Как будто он не лежал рядом и всего не слышал! Эстер смущенно кивнула и сжала руку Грегерса.

– Вы не знаете, он действительно обнаружил труп? Тут в кофейной комнате пошли такие сплетни.

Эстер решила, что отвечать на такие вопросы – ниже ее и Грегерса достоинства.

– Ему ввели морфин, так что, вероятно, он покажется вам слегка заторможенным. Но его состояние полностью стабилизировалось. Вы вполне можете остаться и поговорить с ним, это пойдет ему только на пользу. Так ведь, Грегерс?

Медсестра похлопала его по руке и удалилась, не дожидаясь ответа. Эстер придвинула стул к кровати, расстегнула жакет и снова взяла Грегерса за руку. Она хотела сказать что-нибудь утешительное, но все казалось некстати, поэтому пришлось просто сидеть и слушать этот плач, неуместный и несвоевременный. Ей нужен был отдых, бокал красного вина. Покой в голове. Ни к чему сейчас были тысячи роящихся мыслей, неизбежно приводивших к короткому замыканию. Ни к чему вспоминать тот момент тысячу лет назад, когда она сама лежала на больничной койке и рыдала. Тогда никто не держал ее за руку.

Она поняла, что слишком сильно сжала немощую кисть. Ослабив хватку, она неловко похлопала его руку. Слезы потихоньку уходили.

– То... – Голос дрожал, дребезжал, как у отшельника. Эстер наклонилась и напрягла слух.

– То. То. Ил? – Он так осип, что поначалу Эстер не поняла, о чем он спрашивает. Он раздраженно откашлялся и показал на пластмассовый кувшин с красной жидкостью. Она налила немного в стоявший рядом стакан и дождалась, пока он выпьет. Затем налила еще и снова терпеливо подождала, пока он закончит.

– Я упал на... тело. Там была кровь на стенах. Полицейские ничего не стали мне рассказывать. Только спрашивали все время об одном и том же.

Грегерс снова принялся плакать. Он выглядел дряхлым, немощным, и неожиданно она поняла, что воспринимает его старым, чего не могла сказать о себе.

– Я не знаю, кто это, Грегерс. Полиция пока ничего не сказала.

– Она была мертва? Когда я... нашел ее. Мертва, да?

Естественно. Вот чего он боялся. Что он мог ее спасти. Неужели полицейские вообще с ним не поговорили? Не выслушали его?

– Грегерс, послушай меня. Когда ты к ним пришел, она уже давно была мертва. Ты ничего не мог поделать, слышишь? – На самом деле она понятия не имела, когда умерла девушка, не знала никаких подробностей, но не видела причин не успокоить его любой ценой. Вдруг она поняла, нутром ощутила, что произошло. Весь день она шаталась в похмельном пузыре и вот теперь, когда она переключилась с себя на другого, этот пузырь лопнул. Как же это все было ужасно. Слишком ужасно для осознания. Ее горло сжалось. Неужели это действительно произошло? В ее доме, в ее жизни?

«Почему»? Он умоляюще смотрел на нее, понятия не имея о том, что его мысли были отзвуком того, что происходило у нее в голове. Эстер пришла в голову одна мысль, из-за которой она почувствовала острый укол совести, но она быстро отогнала ее прочь. Должно быть, простое совпадение. Абсурдное, прискорбное совпадение.

*

Комната для отдыха была полна шелеста бумаг и картонных тарелок и стуком клавиатуры. Йеппе понимал, что от него ждут обобщения. Он окинул взглядом собранную для него полицейским комиссаром команду. Следователь Торбен Фальк, искушенный и обстоятельный, следователь Сара Сайдани, несомненная удача, ну и Анетте, от которой явно просто так не отделаться. Единственным, с кем он ощущал некоторую натянутость в отношениях, был следователь Томас Ларсен. Он служил в главном управлении всего лишь полгода, но продвигался по службе с молниеносной скоростью. Йеппе усердно пытался приклеить к Ларсену прозвище Ириска, но почему-то коллеги, которые обычно были не прочь поострить, тут его не поддерживали. К тому же комиссар полиции, увы, очень любила ирис.

– Итак, с сегодняшнего дня мы ежедневно встречаемся в столовой сразу после смены вахты в 8 и 16 часов, ну и, естественно, дополнительно по мере необходимости, и сообщаем друг другу, кто как продвинулся. Предлагаю собрать все документы и фотографии в нашем с Анетте кабинете, я попрошу кого-нибудь из секретарей подготовить для нас доску. К сеансу видеосвязи в 15.00 мы попросим другие полицейские отделения доложить о результатах опросов жителей и прохожих о второй половине вчерашнего дня и вечера на улице Клостерстреде, чтобы можно было получить какие-либо свидетельства, пока они не устарели. Фальк, ты отправишься обратно в больницу и поговоришь с Грегерсом Германсеном, если он находится в подходящем для этого состоянии, а затем с владельцами кофейни на Клостерстреде, 12. Это два молодых парня, у секретаря есть их имена. Именно они обнаружили утром Грегерса Германсена и тело Юлии Стендер, они также находятся в Королевской больнице в связи с перенесенным сильным шоком. Сейчас, как я понял, они чувствуют себя превосходно.

Фальк отсалютовал по-скаутски, двумя пальцами от воображаемого козырька.

– Ларсен возьмется за исследование окружения Юлии Стендер – семья, друзья, коллеги, вероятные любовные связи, бывшие одноклассники. Сайдани, как обычно, возьмет на себя Фейсбук и все, что связано с компьютером, телефоном и социальными сетями.

Сайдани оторвалась от ноутбука и кивнула; подпрыгнули ее темные кудряшки. Ларсен смотрел на Йеппе, сложив руки на груди.

– Мы с Анетте свяжемся с родителями погибшей и снова навестим Эстер ди Лауренти. Вскрытие назначено на раннее утро, нам также необходимо там присутствовать, Анетте! Не только полиция Копенгагена, но и наши коллеги из южной Швеции полным ходом ведут поиски Каролины Боутруп с подругой. – Йеппе заглянул в свои записи. – Нам еще нужен кто-то для проверки камер видеонаблюдения на маршруте. Банки, «Севен-Элевен», «Матас» и так далее. Кто возьмет на себя?

Фальк вновь сделал скаутский жест. Йеппе перенес вес на другую часть седалищной кости, чтобы разгрузить позвоночник, и встретился взглядом с Анетте, державшей у уха мобильный. Отговорив, она вперилась в него звериным взглядом.

– Центральная и Западная Ютландия. Они съездили домой к Стендерам, но тех там не оказалось. Попробуй угадать, где, по словам соседей, они находятся?

Наверное, даже пытаться не стоило.

– В Копенгагене! Они, черт их подери, в Копенгагене! Остановились в отеле «Феникс». Свяжусь с отелем, узнаю, в номере ли они. В случае чего, у меня есть мобильный отца. – Говоря это, она набросила пиджак и очутилась у лестницы, прежде чем Йеппе успел подняться с кресла.

*

Широкая улица жужжала ленивым утренним трафиком на фоне измороси, Йеппе и Анетте припарковались рядом с гостиницей. Группа японских туристов вооружилась зонтиками, дождевиками, а женщины – еще и странными перчатками из белого материала, которые вызвали у Йеппе ассоциации с беспечным периодом середины 80-х годов, когда в «Бургер Кинге» проходили дни, посвященные танцевальному стилю электрик буги. Конечно, очень может быть, что эти японцы как раз собирались на какой-нибудь танцевальный фестиваль, но он сильно в этом сомневался.

Фойе отеля напоминало внутренности меренги с алмазными капельками хрустальных люстр и тяжелыми парчовыми гардинами. Анетте решительно обогнула фонтан по беломраморному полу с выражением глубокого презрения. За стойкой стоял молодой человек с синтетической бабочкой на шее и раздражающим взглядом. Телефон настойчиво трезвонил, и юнец косился на аппарат, не зная, что ему нужно делать. Йеппе перегнулся через стойку и заговорил тихо, стараясь не привлекать лишнего внимания:

– Полиция. Мы звонили вам некоторое время назад. Нам нужно поговорить с Кристианом Стендером. В каком номере он остановился?

– Я буду к вашим услугам через мгновение. – Портье потянулся к трубке.

– Я же говорю, мы из полиции, дело не терпит.

– Момент, мсье, я сию минуту освобожусь.

Он выставил ладонь в направлении полицейских и, отведя глаза, снял трубку, после чего, преисполненный усталого высокомерия, начал заученное приветствие на английском языке. Йеппе схватил его руку, прежде чем портье успел сообразить, что к чему, и сильно сжал ее.

Молодой человек казался перепуганным.

– Я сказал, сейчас же! Как тебя зовут, придурок? Ну-ка, что там у тебя на бейдже? Николай? – Он повернулся к Анетте, которая наблюдала за его действиями с удивлением. Откашлялся.

– Следователь полиции Вернер, который час? – Йеппе элегантно движением освободил запястье от рукава и взглянул на свои старенькие часы «Омега». Портые затараторил так быстро, что даже стал запинаться.

– Комната 202, третий этаж, лифт за углом.

– Благодарю, Николай, хорошего дня.

Анетте в изумлении смотрела на него всю дорогу до лифта.

Они поднялись на третий этаж и нашли номер 202. В соответствии с инструкциями, данными Анетте, управляющий отелем без разъяснений попросил чету Стендер оставаться в своей комнате. Йеппе постучался. Через мгновение дверь открыла миниатюрная элегантная женщина с короткими седыми волосами. Она серьезно кивнула им, выразив волнение морщинкой, пролегшей над перламутровой оправой очков и напоминающей кастовый знак, и попятилась, пропуская их в душную комнату.

Кристиан Стендер сидел в мягком плюшевом кресле, обхватив голову руками. Он расстегнул две верхние пуговицы на рубашке, так что можно было лицезреть ворох седых волос, выбившихся наружу, и верхнюю часть порядочного пуза. Лаптеобразные ботинки, давно требовавшие чистки, стояли рядом со стулом и свидетельствовали о том, что их владелец ставил удобство гораздо выше стиля. Он поднял голову и взглянул на гостей, после чего вновь обмяк. Лицо его было покрыто каплями пота, глаза сузились и покраснели. Мужчина пребывал в страхе или испытывал серьезное расстройство желудка.

– Кристиану стало плохо, когда позвонил портые и сказал, что с нами хочет поговорить полиция. Он уверен, что что-то случилось с Юлией, его старшей дочерью. Моей... э-э, падчерицей. Она не отвечает на звонки. Я пыталась успокоить его, но он ничего не желает слушать. Вы, наверное, по поводу взлома? Взлома на фирме?

– К сожалению, фру Стендер, мы здесь не в связи со взломом. Мне жаль, но у нас плохая новость. Речь идет как раз о Юлии Стендер.

Кристиан Стендер глянул со своего пропитавшегося потом кресла, зрачки глаза у него были крошечные, словно он злоупотреблял героином. Он словно стоял на паузе, пребывал в неподвижном ожидании. Йеппе пытался обнаружить признаки наигранной реакции, но увидел лишь выражение ужаса, которого было вполне естественно ожидать в момент, когда родитель сталкивается с вероятностью воплощения своих самых страшных опасений.

– Мне очень больно сообщать вам...

Не успел Йеппе закончить фразу, как Кристиан Стендер издал рык безумца, загнанного в угол. Он съехал с кресла и, не переставая вопить, очутился на полу на коленях в гротескной позе человека, делающего предложение руки и сердца. Лицо его исказилось, волосы лоснящимися тонкими нитями лежали на блестящем темени. Он напоминал оперного певца, играющий сцену грандиозного умопомешательства.

Йеппе отметил все эти обстоятельства, констатируя при этом, что его наблюдательный аппарат остался на сто процентов отстраненным. Ни единого колебания барометра в сторону сопереживания. Что с ним стряслось, скажите на милость?

– Мы обнаружили труп молодой женщины в квартире Юлии и Каролины, – попытался продолжить он, вклиниваясь между криками отца. – К сожалению, вынужден сообщить вам, что это Юлия. Нам еще предстоит... некоторые процедуры, прежде чем опознание будет признано официально, но у нас нет сомнений.

Пока что не стоило упоминать о вскрытии и стоматологическом обследовании.

– Мне очень жаль...

Йеппе замолчал.

Кристиан Стендер съехал на полу в хлюпающий комок. Его супруга стояла за креслом и теребила край обивки, не спуская с мужа глаз.

– Мы можем ненадолго остаться наедине? – Улла Стендер говорила тихо, но с неожиданной властью. – Я понимаю, что нам, наверное, придется последовать с вами в полицейский участок или что-то в этом роде, но не будете ли вы так любезны оставить нас на минуту, чтобы мы немного пришли в себя? Наедине.

Направляясь к выходу, Йеппе встретил взгляд Анетте. Они одновременно подошли к двери, стремясь поскорее покинуть душную комнату с кипевшими страстями.

– Мы подождем в фойе. Можете не спешить. – Никакое выражение соболезнования сейчас не прозвучало бы из его уст доброжелательно, так что он предпочел на этом остановиться. Просто закрыл дверь. Последним, что он увидел, прежде чем дверь сомкнулась с косяком, был силуэт хрупкой женщины, устремившейся к мужу с распростертыми объятиями.

Отец звонил раз в неделю убедиться, что у нее все нормально и денег хватает. Иногда она принимала его помощь. Ему сложно было понять, почему ей понадобилось уехать учиться в сам Копенгаген, а главное – почему бы ей не поучиться чему-то достойному. Датский язык она вроде и так знает. А Орхус ведь тоже большой город. По телефону он казался стариком.

На знакомство с городом ушло много времени. Главная библиотека напротив синагоги, улица Стор Канникестреде, по которой так хорошо прокатиться на велосипеде, несмотря на одностороннее движение, посетить самый прелестный уголок в Конгенс Хэве в солнечную погоду, проехать по мосту Лангебро в опасной близости от потока машин.

Жизнь, именно такая, о которой она всегда мечтала, теперь кипела вокруг нее. И все же сейчас она предавалась мечтаниям, как никогда прежде.

Когда она пошла в школу, в шествии в честь Святой Люсии всегда принимали участие ученицы пятого класса. Она стояла, прижатая к стене, с мандарином в руке и наблюдала облаченных в ангельские одеяния девушек со свечами, проходивших мимо. Думала о том, что скоро и сама дорастет. Но когда она перешла в пятый класс, в школе сменился инспектор, и с тех пор в шествие стали брать четвероклассниц. Внезапно она стала слишком взрослой. Она всюду оказывалась либо до, либо после, но всегда вне фокуса происходящего.

С нетерпением ожидала она того возраста, когда наконец окажется в самой сути событий. Когда она будет не за пределами, а внутри. Должен же этот возраст был прийти.

Глава 4

Боги не дадут соврать, комната под номером шесть, предназначенная для дачи показаний, совершенно не похожа на полулюкс, однако в данный момент эта казенная обстановка показалась Йеппе гораздо более комфортной, нежели во всех смыслах невыносимый номер в отеле «Феникс», который они только что покинули. Кристиан Стендер наконец притих, сжав руку жены своей рукой. Бессознательно раскачиваясь в кресле, он еле слышно бубнил себе что-то под нос. Йеппе вновь ощутил укол совести из-за того, что не испытывал искренней жалости к этому мужчине. Обычно, сидя напротив родственников жертвы, ему приходилось буквально подавлять свои переживания, чтобы чувства не помешали выполнению профессиональных обязанностей. По отношению к Кристиану Стендеру он не испытывал абсолютно никаких эмоций.

Анетте принесла два пластиковых стаканчика со сладким чаем. Йеппе откашлялся, чтобы обозначить начало процесса.

– Я понимаю, для вас это настоящий шок. К сожалению, мы вынуждены сообщить вам некоторые подробности и задать несколько вопросов, хотя сейчас вам придется непросто. – Йеппе поднял голову и посмотрел Улле Стендер в глаза, она несколько раз моргнула. – Мы уже совершенно уверены в том, что личность установлена, так что вам не нужно проходить через процедуру опознания... тела. Вы можете посмотреть на нее в последний раз. Тем не менее я настоятельно рекомендую вам этого не делать. Она совсем не похожа на ту, какой вы ее знали.

Улла Стендер поморщилась от неприятных слов, но кивнула.

– Также я обязан спросить о вашем отношении ко вскрытию тела. У вас есть возражения?

Улла взглянула на мужа и покачала головой. Этот вопрос являлся простой формальностью – тело подлежит вскрытию, даже если они будут возражать.

– Благодарю. Кроме того, мы хотим спросить, знаете ли вы что-нибудь о местонахождении Каролины Боутруп? Принимая во внимание обстоятельства дела, нам срочно нужны эти данные, – продолжал Йеппе.

Скорбящий отец закрыл глаза и продолжал свой внутренний разговор с высшими силами, поэтому отвечать приходилось женщине.

– Юлия никогда ничего нам не рассказывала, но от родителей Каролины мне известно, что на этой неделе они с подругой собирались в поход на байдарках. Куда-то в Швецию.

Йеппе подтолкнул через стол блокнот.

– Напишите здесь имена ее родителей. И еще, пожалуйста, имена друзей, одноклассников и другие контакты, имевшиеся у Юлии в Копенгагене и дома, в Сёрваде. Возможно, нам придется переговорить со всеми, кого она знала.

Улла Стендер задумалась и написала несколько имен.

– Также мы просим сообщить, где вы находились вечером во вторник и этой ночью? Это стандартная процедура, мы задаем эти вопросы всем, кто имеет хоть какое-то отношение к делу.

– Этой ночью? – Улла Стендер подняла взгляд от блокнота и отвечала, вернувшись к записям. – Ну как же, мы спали здесь, в отеле. Мы приехали во вторник – господи, неужели это было вчера? – и вечером встретились с Юлией в кафе на Конгенс Нюторв. – Она выделила слово Конгенс. – На среду и четверг Кристиан назначил несколько важных встреч в разных галереях, но теперь-то мы, конечно, все отменили.

– Вы не выходили из гостиницы выпить чего-нибудь или еще зачем-либо?

– Нет-нет, мы вчера рано проснулись, поэтому просто прошлись немного по Нюхавн и, вернувшись в отель, поужинали в номере. Думаю, часов в десять мы уже легли спать.

– Как вела себя Юлия во время вашей встречи?

– Ну, как всегда. Довольная, веселая. Рассказала нам о предстоящей учебе. В основном была поглощена своим телефоном, но такая уж теперь молодежь.

– Мы понимаем, сейчас трудно говорить об этом, но нам нужно знать о Юлии как можно больше. Не могли бы вы немного о ней рассказать? – попросил Йеппе. – Какой она была? Что любила делать? Что-нибудь в этом роде.

Улла Стендер неуверенно посмотрела на мужа, который по-прежнему сидел с закрытыми глазами.

– Ну, Юлия – дружелюбная, жизнерадостная девочка, – осторожно начала она. – Совершенно обычная, знаете, милая... молодая. Она много писала и любила играть в театре. – Мачеха тщательно подбирала слова, но затруднялась найти подходящие случаю.

– Вы не представляете, кто бы мог причинить ей вред?

Улла Стендер возмущенно покачала головой.

– Кто хотел бы досадить вам? Причинить вам зло через Юлию?

Она снова замотала головой.

– Никогда! Естественно, у Кристиана бывали какие-то разногласия с партнерами и клиентами, да и с персоналом, но никогда не было никаких проблем, которые нельзя было бы уладить переговорами или партией в гольф. Никому ведь не могло бы прийти в голову обидеть Юлию из-за этого? Это какое-то безумие!

Йеппе уставился в стол и дал собеседнице время высморкаться.

Анетте, наблюдавшая диалог, облокотившись о стену, нарушила молчание:

– Как долго вы знали Юлию? Когда вы поженились?

Тоже мне, самозванный Филип Марлоу из комиссариата. Неужели она не может просто спокойно посидеть?

– Это произошло в марте 2004 года. Юлия сочинила для нас песню под названием «Прекрасна, как падающая звезда». Ей исполнилось всего девять лет! Все были весьма впечатлены.

Кристиан Стендер взвизгнул и поднес ладони к глазам. Его супруга нерешительно продолжала:

– Но Юлии был всего лишь год, когда я начала работать в компании, я давно знала их семью. Когда фру Стендер, ну, то есть мать Юлии, э-э... отошла в мир иной, ну да, у нее был рак, мы оказались, если можно так сказать, связаны теснее. И, да, тогда мы с Кристианом поженились, и я... я надеюсь, что Юлия воспринимает меня как мать. Или воспринимала...

Над верхней губой Уллы Стендер выступили капельки пота, она стала теребить цепочку с кулоном, символизирующим веру-надежду-любовь.

– Когда умерла мать Юлии? – Анетте пока не собиралась отпускать Уллу Стендер с крючка.

– Ирена умерла в 2003 году, но она долгое время болела. Кристиан был очень утомлен постоянным пребыванием в больнице. Это был ужасный период.

В первую очередь для Ирены, подумал Йеппе. Было очевидно, что Улла Стендер привыкла защищать свой брак. Наверняка по городку Сёрваду ходили сплетни, когда господин Стендер женился на своей секретарше через пять минут после похорон жены.

Пестрая шелковая блузка Уллы Стендер покрылась пятнами пота, взгляд бегал, как у ребенка, желающего выйти из игры и спрятаться под стол. Йеппе решил сменить тему и послал Анетте предостерегающий взгляд.

– Как долго Юлия жила в Копенгагене?

– Всего полгода. Она переехала в марте, чтобы обжиться в квартире и подыскать какую-нибудь подработку до конца лета, пока не началась учеба. Она шаталась без дела и после окончания школы нигде толком не работала. Немного подрабатывала в кафе, ездила в какую-то семью в Америке, все в этом роде...

– Ее... изнасиловали? – Голос отца, похожий на ржавое железо, вдруг разрезал пространство комнаты. Изнасилование – это, в представлении отца, худшее, что может случиться с дочерью. Улла Стендер потрясенно посмотрела на него.

– Никаких признаков сексуального насилия обнаружено не было. – Отвечая, Йеппе пристально наблюдал за парой. – Однако преступник использовал нож. – Отец тяжело задышал и опустил голову. – И к сожалению, он порезал ее... – Йеппе отметил пронзительный взгляд Анетте, но проигнорировал его. – Преступник порезал ее, прежде... – продолжал он. – Мы пока не знаем, почему и как именно, но некоторые насильственные действия были совершены до наступления смерти. Мне очень больно говорить вам об этом. Если у вас есть какие-либо догадки насчет того, что все это может означать, очень важно, чтобы вы нам о них рассказали.

Улла Стендер закрыла руками рот и, потрясенная, стала мотать головой.

– У нас есть специальная команда в Королевской больнице, которая может оказать вам неотложную психологическую помощь, если вы... вот номер.

Кристиан Стендер поднял голову и выпучил глаза. Его лицо приобрело такой же цвет, как стена позади него. Затем его вырвало.

Допрос пришлось отменить. Кристиан Стендер лежал на диване со стоящим перед ним ведром, но во время отключения сознания между двумя рвотными позывами его переложили на пол на бок, вызвали «скорую». Его жена дышала часто и резко, как будто взбегала по крутой лестнице. Прежде чем она последовала за носилками с обмякшим телом супруга и за ней захлопнулись двери «скорой», Йеппе все-таки успел предупредить ее, что им придется вновь встретиться на следующий день.

– Какая муха тебя укусила? – принялась возмущаться Анетте, едва карета «скорой» съехала с тротуара.

– Ты о чем?

– Зачем было рассказывать этим беднягам о том, что преступник издевался над их дочерью? Это было совершенно неуместно. Такая чудовищная бесчувственность для тебя как-то нетипична.

– Но ведь нам нужно понять, какой в этом был смысл.

– Да, но не сию секунду, черт возьми. Дай им немного отойти. Они должны хотя бы осознать, что она мертва.

– Какая разница? – Йеппе раздраженно замахнулся ногой, чтобы пнуть камень, но промазал.

– Просто ты не такой, как обычно. Портье в отеле чуть в штаны не наложил. Это был откровенный перебор.

– К чему ты клонишь?

– Да успокойся же наконец! Просто ты не имеешь обыкновения ни с того ни с сего терять голову. Молчу!

Анетте развернулась и пошла обратно к зданию. Йеппе на мгновение замешкался, провоя взглядом машину «скорой помощи». Затем последовал за напарницей.

*

Эстер ди Лауренти скинула туфли и налила бокал красного вина. Собаки суежились под ногами. На сей раз она позволила себе шипраз из бутылки, настроение сегодня не соответствовало коробочному вину. Стоя у кухонного стола еще в верхней одежде, она сделала большой глоток, закрыла глаза и ощутила, как по всему телу разливается блаженство. Божественно!

Кристофер чистил овощи в раковине. Он махнул ей рукой, когда она вошла в квартиру, но не стал расспрашивать о больнице. Он хорошо ее знал. Ей нужно было дать время прийти в себя.

В гостиной она тяжело опустилась на диван. Собаки подпрыгивали, лизали ее в лицо и оставляли шерсть на кашемировом блейзере. Ничего не поделаешь, потом можно будет почистить, а в данный момент ей требовалась забота. В квартире пахло свежее испеченным хлебом. Очевидно, это был хлеб со свежими травами, приготовленный в чугунной форме, результат последних кулинарных экспериментов Кристофера. Этот аромат настолько ассоциировался с утешением, что Эстер расплакалась. Тяжесть на сердце – вот как точнее всего можно назвать то, что я в сейчас чувствую, подумала она. Она снова отпила из бокала, позвала Эпистему на диван и откинула голову.

В такси по дороге домой она услышала, как в выпуске новостей упомянули об убийстве молодой девушки в историческом центре города, но было невозможно осознать, что речь шла о ее собственном доме, о ее квартирантке. Об ее Юлии. А ведь убита именно Юлия. Пока что никто этого не сказал, но Эстер была уверена в этом настолько, насколько можно быть уверенным в том, что немецкий поезд отправится точно по расписанию. Водитель выключил радио и покачал головой, а она сидела на заднем сиденье и чувствовала себя виновной.

– Я готовлю баранину и горячий салат с помидорами и фасолью. Пойдет?

Кристофер стоял в проеме арки между кухней и гостиной и вытирал руки ветхим полотенцем. Его взгляд был направлен влево и вниз, как обычно, когда он с кем-то говорил. Она улыбнулась и кивнула.

– Прекрасно, дорогой. Спасибо!

Он вновь скрылся на кухне; оттуда донесся грохот мисок и сковородок. Уют в сложившейся ситуации был бы практически противоестественным. Она не могла спокойно вдыхать аромат еды, домашней выпечки, хорошо себя чувствовать, когда двумя этажами ниже только что произошло убийство. В такой день она предпочла бы прозябать в одиночестве, напиться, реветь и бодрствовать всю ночь. Это гораздо лучше соответствовало бы моменту.

Она выпрямилась, расправила плечи и принялась описывать руками круги над головой, словно пыталась поймать воображаемый поток воздуха. Ежедневные дыхательные упражнения еще со студенческих времен помогали ей успокоиться. Эстер закрыла глаза и расслабилась. С ворохом тревожных мыслей невозможно было справиться таким образом.

Неужели это действительно Юлия? Она была прекрасной квартиранткой, спокойнее и аккуратнее Каролины. Может, не такая красивая, но привлекательная не только благодаря молодости. В уголках ее ангельской улыбки скрывались дерзость и способность к бунту. Юлия подавляла в себе мятежницу. Эстер сразу это увидела и почувствовала сильнейшую нужду взять ее под крыло и помочь ей добиться в жизни гораздо большего, чем она сама. Не как суррогатная мать, но как товарищ по страданиям; как женщина, которая сама получила от жизни пинок, но встала и пошла дальше.

Юлия часто сидела на кухонном подоконнике, говорила с ней или слушала, как Эстер разучивала гаммы. Несколько раз она помогала Эстер во время приемов гостей, но редко принимала активное участие в беседе, предпочитая вытирать тарелки и с улыбкой вбирать в себя шум и смех, как аккумулятор. Вообще-то Эстер всегда считала молчаливых людей жутко скучными, но с Юлией было иначе. Юлия была как тихое озеро, полное тайн и неведомых чудищ.

Кристофер включил блендер, от чего Эпистема вздрогнула и спрыгнула с дивана. Наверное, Кристофер готовит дукку к баранине. А может, песто. Эстер осушила бокал и вспомнила, что Юлия с Кристофером несколько раз помогали ей принимать гостей.

Нужно было поинтересоваться у него, насколько близко он успел ее узнать. Нужно было переосмыслить весь свой проект. Нужно было решить, рассказывать ли полицейским, что это она убила Юлию.

Глава 5

Йеппе плеснул себе в лицо водой и посмотрелся в зеркало на кафельной стене туалетной комнаты. Он выглядел уставшим и понимал, что дело тут не только в свете энергосберегающих ламп полицейского управления. Дурацкая затея с осветлением волос не помогла, не стоило поддаваться на уговоры Йоханнеса. Наверное, разумнее было бы побриться наголо. Так по крайней мере он был бы похож на полицейского. В одном зеркале над раковиной отражение получалось каким-то вогнутым, второе неестественно растягивало лицо вширь. Он все время забывал, какое из них дает какой эффект, пока не начинал мыть руки. Сейчас он выбрал вогнутое и поэтому походил на мунковский «Крик». Это было очень кстати.

Анетте была права – он пребывал в отвратительном настроении. Поясница ныла, и он напомнил себе, что нужно позвонить врачу и попросить очередной рецепт на оксиконтин. Дело дрянь. Самая отвратительная дрянь.

В последний раз нечто похожее на то, что досталось ему теперь, было пять лет назад, семейная трагедия. Несчастный отец в отчаянии убил свою бывшую жену на глазах у их троих детей, а затем попытался сжечь всю семью, чтобы скрыть преступление. Тогда у него была Тереза, которая поздними вечерами, когда он возвращался домой, окутывала его домашним теплом. Тогда он успокаивал себя тем, что самоотверженная забота Терезы в глобальном смысле уравнивала недостатки человечества. Теперь он уже в этом сомневался.

В канун последнего Нового года она была красивее, чем когда-либо. Так по крайней мере помнилось ему сейчас – хотя он и не смог бы вспомнить в подробностях, что на ней было надето. Что-то черное, сверкающее, как глаза летучих мышей во мраке пещеры. Но не платье придавало ей красоту, а отстраненность и его усиливавшаяся неуверенность, которая делала ее недостижимой. Они ехали в центр города на такси, чтобы успеть к новогодней речи королевы, и каждый в свое окно смотрел на падающий снег. Она сидела в полуметре от него и не видела свободного падения его сердца. Он упустил ее и сам это прекрасно понимал, он слишком часто отсутствовал и был полностью поглощен карьерой. Избегал личных поражений и домашних перепалок. Но ведь и она тоже. Со следующего года все будет иначе: знай, наступающий год станет особенным для нас и нашей будущей семьи, я приложу к этому все усилия. Наконец-то у нас все получится! Ведь для меня нет ничего важнее в жизни, ты же знаешь?

Она улыбнулась, слегка смущенно, и похлопала его по руке, как учительница, которая хвалит детский несуразный рисунок, потом отвернулась и продолжила смотреть в окно. Он тоже отвернулся, что ему еще оставалось делать, и принялся рассматривать капли на стекле, которые сплющивались от большой скорости.

Праздник сделался кафкианским с первой минуты прямой трансляции из Амалиенборга. Он стоял с бокалом слишком сладкой кавы и смотрел на ту, которую любил и которая была его женой. И в то же время уже нет. Еда, разговоры, еще еда, еще вино – он не мог вспомнить в деталях, как он провел тот вечер, но к моменту, когда часы пробили двенадцать, он ни разу не прикоснулся к ней. Поцелуй, который она ему подарила, казался принужденным, был слишком кратким и не шел в счет. Он уже знал, что все кончено.

Он даже совсем не удивился, когда в первом часу она подошла к нему и рассказала о подруге, которая проводит новогоднюю ночь в одиночестве, жаль ее все-таки. Она, пожалуй, съездит и утешит ее. Нет-нет, он пускай остается на празднике, она скоро вернется. Все удивились, когда она ушла, но уже слишком много выпили, чтобы проявить настоящее беспокойство, даже когда он тоже оделся и последовал за ней. Ведь новогодняя ночь располагает к подведению итогов и наведению порядка в хитросплетениях супружеских отношений.

Он следовал за ее узкой спиной через весь центр старого города, чувствуя себя актером в посредственной мелодраме, разбитым, одновременно испытывающим прилив адреналина и готовым сбить с ног любого, кто встанет у него на пути.

Когда она вошла в чужую дверь, за которой совершенно точно не было никакой подруги, он досчитал до десяти и позвонил. Нильс – было написано под звонком. Нильс. Она открыла без малейшего раскаяния и просто попросила его уйти. Это было хуже всего. То, что она не стыдилась, не сожалела, даже не позаботилась о том, чтобы он не пошел следом. Тебе нужно уйти, Йеппе! Уходи! И закрыла дверь.

Он отправился пешком к Йоханнесу и Родриго на Скудебанегеде и позвонил к ним в дверь посреди ночи. Обескураженный, отвергнутый, уничтоженный. Он прожил у них на диване две недели, взяв больничный и укрывшись в пещере из шерстяных пледов и утешений. Йоханнес и Родриго заботились о нем, как о ребенке, и выплакали все слезы, которые он сам был не в состоянии из себя выжать. Они выслушали его рассказ тысячу раз и поддерживали его, пока он не смог встать и снова встретиться с миром.

Когда он наконец очутился дома, там не оказалось всех ее вещей и большей части их общей мебели. Остался лишь кратер жилища с тоскливыми контурами, оставшимися на стенах от демонтированных полок. Диван она оставила, на него он и завалился. Он лежал, как губка, в прослойке из несчастья, и впитывал, впитывал, лежал, пока у него не искривилась спина, а на зубах не появился кариес. Он не помнил этого времени, не знал, сколько это длилось.

Однажды в дверь постучал Йоханнес. Когда Йеппе не открыл, друг выбил подвальное окно, встряхнул его, запихнул в ванну и приготовил кофе. Он снова начал работать. Сейчас был август. Совсем недавно он получил по почте свидетельство о расторжении брака. Разведенный коп в разгар жизненного кризиса. Классика.

Йеппе вытер руки серым бумажным полотенцем и перевел взгляд с зеркала на мусорное ведро.

*

– То есть вы утверждаете, что у Юлии было мало друзей среди сверстников? – Йеппе почувствовал, как к его горлу подкрадывается потребность зевнуть, но успешно подавил ее. Этот долгий день был полон всякой информации, как жизненно важной, так и абсолютно бесполезной, и в данный момент он слишком устал, чтобы заниматься сортировкой сведений. Он сменил позу на хрупком кофейном стуле за небольшим обеденным столом на кухне у Эстер ди Лауренти и открыл чистую страницу в записной книжке. Анетте проводила второй брифинг в управлении, они договорились встретиться по его окончании и подвести итоги.

В настоящий момент он был рад возможности побеседовать с Эстер ди Лауренти наедине. Во время разговора миниатюрная женщина мыла щеткой посуду, топорщившиеся щетинки соскребали с блюда мясной жир. Ее реакция на опознание жертвы была сдержанной, словно подтвердилось то, что она знала заранее и в связи с чем горевала.

Эстер подлила себе в бокал красного вина из картонной коробки, которая, казалось, занимала постоянное место на кухонном столе, и, подняв бровь, предложила ему выпить с ней. Он отказался интернациональным жестом – нахмурил лоб, покачал пальцем – и терпеливо ждал. Хозяйка уже слегка захмелела и не торопилась.

– Она относилась к разряду девушек, предпочитающих общение со зрелыми мужчинами. Не потому, что она не интересовалась сверстниками. Я думаю, иногда они ей надоедали.

Эстер произносила звук «р» сочно, словно выплевывала его, больше ничем не выдавая опьянения.

– Конечно, Юлия частенько тусовалась с Каролиной и ее парнем, но она не могла избавиться от чувства, что она третья лишняя... Вы нашли ее? Каролину?

Йеппе на мгновение задумался, до какой степени стоит делиться сведениями.

– Ее телефон находится вне зоны доступа, но сегодня утром их с подругой местоположение было зафиксировано в Бромёлла. Они использовали карту «Виза» Каролины, поэтому мы практически уверены, что это они. Шведская полиция в данный момент разыскивает их и отправит обратно в Копенгаген.

Эстер ди Лауренти кивнула себе с явным облегчением.

– Знаете, я ведь здесь родилась. Вот в этом доме. Мои родители приобрели его в 1952 году и сделали в гостиной бар. Он назывался «Пеликан». Мама стояла за стойкой, отец больше играл с посетителями в бильярд. Не сказать, что это было спокойное детство. Зато веселое. Вся улица гуляла на прощальной вечеринке, когда маме пришлось закрывать заведение. Отец умер, в одиночку она не справлялась. Сама она умерла через год. Осталась только я. Для меня это не просто дом...

Йеппе кивал и дожидался момента сменить тему ровно столько, чтобы не показаться невежливым.

– А что из себя представляет этот Даниэль? Насколько я понял, он тоже из Сёрвада, так что они с Юлией могли быть знакомы... – Йеппе оборвал фразу, и она прозвучала чем-то средним между вопросом и намеком. Эстер ди Лауренти тут же подхватила ее.

– Забудьте! Даниэль прекрасный мальчик. Если бы все были такими во времена моей молодости.

Она запрокинула голову, дожидаясь, когда последняя капля сбежит из бокала ей на язык. Отставив бокал, она словно рассердилась на то, что он пуст. Вздохнув, бросила через плечо кухонное полотенце.

– Скажите мне, господин полицейский, что, черт возьми, происходит? Почему моего жилища убили в моем доме, и почему вы тратите время на допрос меня, хотя я ничего не видела и не слышала, вместо того, чтобы ловить психопата, который это сделал?

Отлично, подумал Йеппе, такие общительнее всего как раз в моменты раздражения.

– А кто такой... – он нарочито прищурился, заглянув в свою записную книжку, – кто такой Кристофер?

По выражению ее лица, которое застыло всего лишь на секунду, он понял, что удар пришелся в цель.

– Кристофер – это мой... мой учитель пения. И друг. Я знаю его уже четыре года. Он... – Она замолчала, озадаченно посмотрела на свои пальцы прачки, стараясь отыскать лазейку, чтобы уйти от дальнейших вопросов. Бинго!

– Они с Юлией были знакомы? – рискнул он.

На ее носке зияла дыра, на которую они оба теперь уставились. На кухне установилась тишина, и он почувствовал, как она подбирает слова. Через несколько мучительных секунд она вдруг разразилась плачем. Он смутился, однако у нее слезы, струившиеся по щекам и заливавшиеся в носовые пазухи, никакой неловкости не вызвали. Видимо, она была из тех, у кого слезы близко.

– Вы должны понимать, что Кристофер совсем другой. – Слова вдруг заструились так же легко, как слезы. – Я имею в виду, действительно другой, даже что-то типа аутиста, одиночка, если хотите. Он интроверт, сдержанный человек, но это не делает его опасным, понимаете?

Йеппе кивнул, ничего не понимая – кроме того, что его собеседница хочет держать оборону.

– Он чудаковатый, но безумно одаренный, феноменальный ребенок в плане искусства. Он поступил в консерваторию в девятнадцать лет, но бросил учебу, так как предпочел сочинять собственную музыку. Знаете, сколько у них каждый год человек на место? Он уникален. К тому же на него можно положиться, он всегда приходит, когда мы договариваемся, заботится обо мне и собаках. Да он мухи не обидит, слышите?

Чем больше она говорила, тем менее уверенной выглядела.

– Они с Юлией были знакомы? – повторил он. Эстер ди Лауренти вытерла лицо рукавом блузки и на мгновение задержала дыхание. Затем выплюнула слова:

– Да, черт побери, они были знакомы. Они были прекрасно знакомы!

Бывает, инфантильные люди спрашивают друг друга, кто что будет делать, если вдруг узнает, что на следующий день умрет. Покорить вершину, выпить большую бутылку шампанского «Кристалл», найти пустынный пляж и целоваться с возлюбленным, пока хватает воздуха. Если бы она вдруг узнала, что завтра ее не станет, то, вероятно, отправилась бы в библиотеку.

В мире не было места, где она ощущала бы себя так комфортно, как в старинном читальном зале Королевской библиотеки. В противоположность невыразительной серости Главной библиотеки, этот читальный зал изысканный и красивый. Высокие потолки, отделка темным деревом, стеллажи со стремянками, окна со свинцовыми перегородками и настольные лампы. Каждый стол представляет собой островок сосредоточенности и академической самодостаточности. Всякий раз, переступая порог этого зала, она думала о Хогвартсе, хотя никогда никому об этом не говорила.

Она оставляла свою сумку в ячейке хранения и всегда представляла себе, что все это – ее собственность. Как в американском колледже. Это было бы лучше, чем членство в каком-нибудь VIP-клубе. Здесь она могла сидеть часами и листать энциклопедии в кожаных переплетах, записывая в свой блокнотик кое-какие мысли. Предстоящая учеба была для нее чуть ли не второстепенной по отношению к пребыванию в библиотеке, необходимым поводом приходить сюда.

Отец по-прежнему был настроен скептически, ему казалось, что ей стоит взяться за что-нибудь прикладное. Если не за делопроизводство и бухгалтерский учет, которые совершенно точно обеспечили бы ей рабочее место, то по крайней мере за иностранный язык. Она не будет служащим ни в коем случае, она всегда знала, что будет писать. Естественно, она станет писателем, возможно, в какой-то степени будет связана со средствами массовой информации. Она молода, у нее все впереди. Время мечтать, влюбляться, путешествовать, время повзрослеть, не ожесточившись, состариться, избежав болезней и сожалений об упущенном.

Она оставила свой выдавший виды дамский велосипед у специальной подставки на площади Сёрена Кьеркегора среди множества других велосипедов и в последний раз в своей слишком короткой жизни направилась к главному входу в Королевскую библиотеку.

Глава 6

– Ну-ка, дружок, подними еще раз локти, и я гарантирую, что твоя шикарная ветровка не станет грязнее, чем сейчас.

Йеппе покорно приподнял локти и устало посмотрел на Рене, протирающего барную стойку. Подколки Рене были неотъемлемой частью удовольствия от похода в «Оскар Бар», они позволяли почувствовать себя, как дома, в слишком шумном баре с несуразными кофейными столиками и настенными зеркалами. В это заведение его тысячу лет назад привел Йоханнес, когда они познакомились в Школе зрелищных видов искусства Фреди Педерсена на Амагере. Они должны были стать актерами, но лишь Йоханнес прошел этот путь до конца. Йеппе решил, что это была сомнительная, легкомысленная затея, вовремя признал посредственность своего таланта и бросил учебу. Нельзя же, в самом деле, провести всю жизнь в мечтах. На нескольких последующих лет пришлась волна популярности фитнеса, и он наслаждался работой инструктора на велотренажере на последнем этаже «Скалы». За это время он успел тихомирно повзрослеть. Когда один из коллег поступил в школу полиции в Брёнбюэстере, он воспринял это как неплохое сочетание возможности применить недурную физическую подготовку и потенциально солидной карьеры. Он не успел как следует поразмыслить об этом, просто взял и отправил заявку.

Единственным, что осталось у него со времен актерской школы, была дружба с Йоханнесом, обширный музыкальный каталог где-то в недрах мозжечка да «Оскар Бар». Так как это место находилось на расстоянии плевка от полицейского управления и изобиловало холодным пивом, он не видел причины идти куда-то еще. Они с Анетте частенько заходили туда после работы, хотя их коллеги не уставали потешаться над тем, что дуэт следователей «Вернер & Кернер» зачастил в гей-бар. Вдвоем!

По дороге с Клостерстреде он позвонил Терезе. Он сам не знал зачем. Просто захотел услышать ее голос. Она не ответила. Последний раз, когда он звонил ей, чтобы попросить забрать сапоги для верховой езды, она сказала ему, что хватит. Перестань названивать мне, Йеппе! И бросила трубку.

Он задался вопросом, когда ему перестанет делаться больно всякий раз, когда он слышит ее голос в телефоне, и сколько еще он будет искать этой боли. Ему захотелось пива. Ради вкуса и шипения, но прежде всего для того, чтобы почувствовать себя мужчиной, наслаждающимся пивом. Рене поставил на стол два «Хайнекена», Йеппе отыскал в кармане куртки банкноту и отправился к столику в углу, который они с Анетте всегда занимали, если он был свободен. Она вопросительно посмотрела на него:

- Ты недавно звонил Терезе?
- Ага. Сказать привет.
- Ты же врешь. Подошел Нильс?
- Не лезь не в свое дело!
- Черт, Йеппе, может, пора уже успокоиться?
- Заткнись! Я не шучу. Тебя это не касается.

Анетте обтерла горлышко бутылки рукавом и, покачав головой, сделала глоток; она собиралась парировать, но передумала. Несколько минут они пили молча. Спина у Йеппе болела.

Он вытер пальцы о штаны и достал блокнот.

– Ну ладно, что у нас есть? – спросил он.

Юлия Стендер, 21 год. Убита ночью у себя дома на Клостерстреде, 12. Никаких очевидных свидетельств в пользу сексуального мотива, что само по себе важно отметить, зато имеется искусно-жутковатый орнамент на лице.

Йеппе кивнул.

– В последний раз ее видели?..

Анетте обратилась к планшету, выругалась, схватила очки для чтения, водрузила их на самый кончик носа, снова выругалась.

– Вот здесь. Сайдани просмотрела смс и сообщения в Фейсбуке. Вчера вечером в Доме студента на Кёбмэйергеде состоялся концерт, который посетили многие из окружения Юлии Стендер. Группа называется... хм-м, что-то типа «Vutbajns», не знаю такой. Но Юлия тоже там была. Она зачекинилась там в Фейсбуке. Бармен утверждает, что она была веселой, как всегда, если можно так сказать о том, кого видел всего пару раз в жизни. Она пила пиво, много с кем болтала – Фальк уже занимается обзвоном – и ушла, насколько мы знаем, около 22 часов. Сказала, что устала и пойдет домой. И она-таки пришла домой. Это мы уже знаем. Хочешь повторить?

Йеппе поймал взгляд Рене и поднял указательный и средний пальцы в виде «V», однако Рене, казалось, понятия не имел, что означает этот жест, и продолжал беседовать с парнем в серебряных шортах. Анетте как ни в чем не бывало тараторила дальше:

– Сайдани нашла несколько сообщений, отправленных в тот день. Каролине, отцу, давней подруге. Больше ничего. Но по дороге из Дома студента Юлия послала смс двум людям, и вот это уже интересно. В 22.13 она написала Каролине: «Привет, дорогуша. Наслаждаетесь там в глуши? Концерт скучноват, ты ничего не потеряла. Никаких новостей от Таинственного м-ра Мокса. Скучаю. Целую!»

– Это случайно не фокусник? – Йеппе был уверен, что несколько лет назад видел, как мистер Мокс показывает карточные фокусы на Фискеторвет. Он-то ведь никак не мог быть тут замешан?

– Может, тут имеется в виду чье-то прозвище? В любом случае это говорит о том, что в ее жизни был мужчина, нам только надо его отыскать. – Анетте поспешно сделала глоток. – Слушай, сейчас будет действительно интересно. Следующее сообщение адресовано человеку, которого мы знаем.

– Кристоферу?

– Черт возьми, ты знал!

– Думаешь, я прохлаждался в парикмахерской, пока ты была в управлении?

– Надеяться не запрещено. Неужели ты так никогда и не подстрижешь свою жуткую шевелюру? Это смешно.

– Ну-ну, что там было? – не терпелось Йеппе.

– В 22.15: «Привет, К. Устала и смылась не попрощавшись, не смогла тебя найти. Извини! Увидимся-я-я! XX Ю.». Он не ответил. Значит, Кристофер был на концерте и они с Юлией знакомы.

– Эстер ди Лауренти была приперта к стенке и сказала, что, по-видимому, они часто виделись. Сейчас Кристофер на работе в Королевском театре, он костюмер. После окончания спектакля в 22.40 встретим его на выходе.

Йеппе просканировал бар в надежде получить пиво. Анетте оторвала взгляд от планшета, заметила, что он смотрит по сторонам, и помахала Рене, который тут же отпрыгнул от стойки и вытащил из холодильника пару бутылок пива.

– Как, черт возьми, ты это делаешь?

– Ты о чем? Я просто помахала. – Анетте непонимающе посмотрела на него сквозь очки, по-директорски отклонив голову назад.

– Не важно. Что еще? – Йеппе бросил хмурый взгляд на Рене, который поставил перед ними пиво, послав Анетте понимающую улыбку.

– В квартире никаких следов взлома. На момент обнаружения Грегерса все окна были закрыты, входная дверь заперта изнутри, дверь в кухне не повреждена. Так что, если только она не отправилась в постель, приоткрыв кухонную дверь, она сама впустила в дом убийцу.

– И, так как вероятность того, что она заказала пиццу или впустила разносчика газет в кухонную дверь после десяти часов вечера, довольно ничтожна, мы можем сделать вывод, что она была знакома с ним.

– Ним?

– Думаю, да. Она высокая девушка, не худышка. Нужно было приложить определенные усилия, чтобы справиться с ней. Но посмотрим, что завтра скажет Ньюбо.

Йеппе выглянул в теплую летнюю ночь. Столики снаружи были заняты пьющими пиво и громко беседующими людьми без верхней одежды. Накануне вечером примерно в это же время Юлия Стендер уверенно прошагала домой по старому городу, вошла в квартиру, заперла за собой дверь, и? Отправив смс Кристоферу, она больше не пользовалась телефоном ни для входящих, ни для исходящих звонков, никакой активности в социальных сетях также не прослеживается. Возможно, кто-то преследовал ее по дороге?

Анетте нервно перебирала руками, похоже было, что ей нужны сигареты. Йеппе вдруг тоже захотел покурить. Хотя такая потребность возникала у него нечасто. Он бросил курить еще когда они с Терезой стали пытаться завести ребенка, и это оказалось не так уж сложно. Ну, то есть что касается курения. Он никогда не считал себя заядлым курильщиком, ведь это не очень сочеталось с занятиями фитнесом и образом жизни полицейского. Самым отвратительно-притягательным в курении был этот приятный привкус. Особенно под пиво. К тому же теперь ему ничто не мешало снова начать.

– Что ты все-таки скажешь о супругах Стендер?

Анетте хорошенько задумалась, прежде чем дать ответ. – Реакция Стендера была бурной, но мне показалась вполне естественной. Я верю в его горе. Насчет нее не знаю.

– Ты проверила их алиби с отелем?

– Обслуживание их номера в 21.30. Два рибай-стейка и бутылка «Амароне». Никто не видел, чтобы они после этого покидали отель, однако мимо стойки регистрации вполне реально пройти незамеченным. Мы запросили запись с камеры наблюдения из фойе. Есть, правда, еще запасной выход, если спуститься на лифте в подвал. Так что их алиби не железное.

– Мы должны поговорить с кем-то, кто знаком с этой парой, как можно быстрее. И еще с Кристианом Стендером. Без свидетелей.

Анетте кивнула и принялась печатать на бесшумной клавиатуре. Йеппе взглянул на часы. Ему все еще хотелось курить.

– Может, заглянем по дороге в «Шварма-хаус»? Я не ужинал.

Анетте погасила экран и допила пиво.

– Это твоё первое разумное предложение за целый день!

В самые жаркие дни она оставляла амбициозные планы посетить «Аркен» или «Луизиану»². В общем-то, как и все остальные музеи. Вместо этого она складывала в велосипедную корзинку полотенце, фрукты и книги и устремлялась за мост Книппельсбро. В полуденный зной улицы пустели. Она оставляла велосипед на стоянке Амагер Страндвай, прицепив его замком, и с корзинкой, царапающей ее голые ноги, шла к бассейну в гавани.

Прогулявшись по деревянному настилу над мелководной лагуной, она сфотографировала себя, пальцы буквой V, против света, поэтому контуры лица размылись, четко выделялись только глаза и рот. Она попыталась создать такое впечатление, будто ее сфотографировал кто-то другой, обработала фото при помощи подходящего фильтра и разместила в Инстаграме с маленьким сердечком.

Бассейн был переполнен полуголыми телами в расслабленных позах. Она отыскивала уголок для своих вещей и принялась раздеваться, медленно и плавно, четко отдавая себе отчет в

---

² Датские музеи современного искусства.

каждой паре глаз, наблюдавших ее стриптиз. Она не спешила, осталась в бикини и солнечных очках, потянулась и, прищурившись, взглянула на собравшихся через темные стекла.

Один лысый впал в полный ступор, забыв о мороженом, оно текло у него между пальцев, а он пожирал ее глазами. Группа парней в воде издавала непристойные смешки, перебрасываясь мячом. Она устремила взгляд на горизонт и приняла вид задумчивый, отсутствующий и индифферентный. Затем сняла верх купальника, открыв публике свои мягкие груди. Сложила топ, наклонилась к корзинке и, не сгибая ног, принялась искать солнцезащитный крем. Лысый уронил мороженое на плавки.

Потом она стала наносить крем. Сначала на лодыжки, потом все выше и выше. Живот обошла стороной. Он был плоский и почти без растяжек, но ей по-прежнему не нравилось прикасаться к нему. Когда она дошла до груди и стала обрабатывать ее быстрыми привычными инстинктивными движениями, жена лысого ударила супруга в бок.

Она легла на живот, приподняла края трусиков над ягодицами, чтобы загореть везде, и, болтая ногой, полезла в корзину за книгой. Прислонив книгу к деревянной перегородке, она положила подбородок на сложенные руки и принялась читать. Вскоре она заснула.

Глава 7

Шаурма с четырьмя чайными ложками чили из металлической мисочки на прилавке, потом быстрая прогулка вниз по Стрёгет. Желудок Йеппе угрожающе урчал, а рот горел (не сказать, чтобы неприятно) от масла чили. Они с Анетте ждали Кристофера на Торденскелдсгеде рядом с одним из входов в Королевский театр. Охранник, улыбчивый чернокожий мужчина в очках в стальной оправе и синей рубашке, с певучим западно-индийским акцентом заверил их, что ни один сотрудник не покинет театр, не пройдя мимо него или не позвонив в звонок, чтобы попросить его открыть один из главных входов. В последнем случае человека, покидающего театр, можно увидеть на экране с камеры видеонаблюдения. На стене за диваном целая батарея черно-белых снимков увековечила уважаемых художников сцены, которые на протяжении многих лет ходили по деревянному полу этого лучшего в стране театра. Они совсем не были похожи на реальных людей, которые, сняв костюмы, расходились по домам, чтобы вздорить с супругами и уплетать бутерброды с салом.

Зато на таковых вполне были похожи первые посетители, с шумом выскакивающие в стеклянные двери из фойе и устремлявшиеся дальше к железным воротам, крича через плечо охраннику: «Спасибо!» Они выглядели вполне обычно: высокие, низкие, пожилые, юные, в цветастых платках, в сандалиях и джинсовках. Вскоре за ними последовала следующая партия: одни – с только что вымытой головой и освобожденным от грима лицом, другие – с большими и маленькими футлярами с музыкальными инструментами, сумками, один вышел с букетом в целлофане в окружении смеющихся друзей. Йеппе подошел поближе к охраннику, чтобы иметь возможность лучше обозревать толпу. Он видел Кристофера только на фотографии дома у Эстер ди Лауренти и боялся его пропустить.

Спустя десять минут Кристофер появился в обществе нескольких оживленно беседующих людей. Он был с рюкзаком и крепко держался за лямки, как ребенок с тяжелой туристической поклажей. В разговоре он не участвовал. Поравнявшись с Йеппе, он кивком головы попрощался с коллегами, которые помахали ему и продолжили путь к выходу.

– Пойдемте, – предложил он. – Я живу вон там, на Фортунстредде, идемте ко мне.

Кристофер шел впереди, сутулый и тощий, по пешеходному переходу у «Магазана», Йеппе и Анетте покорно следовали за ним. Вообще-то такой поход за свидетелем в его собственное жилище совершенно не вписывался в протокол, но ведь он сам это предложил. На своей территории он скорее почувствует себя раскованно.

Центр старого города. Йеппе всегда казалась экзотикой жизнь в пределах центра. Куда эти люди ходили за покупками, когда им требовалось что-то кроме ароматических свечей и суши? Сам он вырос в Альбертслунде и думал, что его дом в Вальбю отмечает последнюю границу копенгагенского центра. Достаточно близко, чтобы за несколько минут добраться на велосипеде до Ратушной площади, достаточно далеко, чтобы можно было слушать пение птиц во дворе. Тереза как минимум раз в неделю досадовала по поводу географического положения их дома в течение всех прожитых там лет. Она скучала по магазинчикам и кафе, стремилась вернуться в старый Копенгаген своего детства. Йеппе трудно было понять, что сознание близости к фонтану «Журавли» может перевесить ночные крики, толпы туристов и запах мочи.

Сразу за церковью Св. Николая Кристофер свернул во двор и направился к невзрачным металлическим воротам в глубине. «Нам на самый верх». Он придержал дверь, подождав Йеппе, и начал подниматься по узкой крутой лестнице с деревянными перилами мимо пятнистых светло-желтых стен. По две ступеньки за раз. Уже в районе третьего этажа Йеппе услышал, как пытит позади Анетте. На пятом этаже, в помещении, явно являвшемся чердаком для сушки белья, Кристофер отпер три солидных замка и распахнул дверь. Аккуратная картонная табличка с именем «Кристофер Дух Гравгорд» над щелью для писем.

Дух? Видимо, творческий псевдоним. Это имя уж слишком подходило Кристоферу, едва ли оно было дано ему при рождении.

Жужжание во внутреннем кармане куртки «Members Only» остановило Йеппе на пороге. На дисплее высветился номер Фалька. Йеппе нажал на кнопку приема, на мгновение прислушался и со словами «Хорошо, спасибо!» нажал отбой. Анетте вопросительно посмотрела на него с лестничной площадки ниже, где остановилась перевести дух.

– Нашли Каролину с подругой. Они возвращаются в Копенгаген, потрясенные, но целые и невредимые. Их сопровождает шведская полиция. Опросим их завтра с утра.

Анетте кивнула, озабоченная, казалось, больше всего тем, насколько можно растянуть подъем на последние пол-этажа. Йеппе толкнул дверь и оказался в прихожей, настолько мизерной, что ему пришлось прикрыть за собой дверь, чтобы пройти дальше. Анетте тихо выругалась за его спиной.

Обстановка квартиры состояла из крошечной кухни, круглого деревянного стола с тремя складными стульями из разных комплектов и полуторного матраса с ящиком для постельного белья. Ни растений, ни картин на пологих белых стенах, не было даже беспорядка. Вроде комнаты подростка, только убранная. Рядом с кухней был вход во вторую, совсем маленькую комнатку, которую занимал большой письменный стол с двумя компьютерами и клавиатурой. Стены были обиты толстыми звукоизолирующими плитами. На полу стояли музыкальные инструменты. Йеппе опознал ситар, укулеле, конги и бубны, но кроме них там еще была целая батарея разномастных кастрюль и тарелок, которые, как сразу понял Йеппе, также относились к собранию инструментов. Кристофер пропал. Рядом с кухней находилась дверь, которая, видимо, вела на черную лестницу, рядом с постелью еще одна. Обе были закрыты.

– Куда, черт возьми, он подевался? – прошептала Анетте. Она запустила руку под куртку и отстегнула табельный пистолет.

– Может, в туалете? – Йеппе подошел к двери возле кровати, прижавшись к косяку как можно плотнее, чтобы не наступить на матрас, и постучал. Ответа не было.

Анетте осторожно приоткрыла дверь рядом с кухней и, выглянув на черную лестницу, покачала головой. Она спустила предохранитель, подняла пистолет, прицелившись в дверь туалета, и кивнула Йеппе. Он снова постучал. Опять без ответа.

– Кристофер!? Отвечай, черт тебя возьми!

Тишина. Йеппе взялся за ручку двери, гладкую и блестящую. Кивнул Анетте. В ушах запульсировало. В следующую секунду он вышиб дверь и упал спиной на кровать. Дверь с треском ударила по книжному шкафу, сбив на пол несколько книг. Потом наступила тишина. Он увидел, как Анетте опускает оружие, и сел, чтобы можно было посмотреть в дверной проем. В ванной комнате на белом кафельном полу лежал, наполовину под раковиной, Кристофер, ошеломленно уставившись в потолок.

Прошло несколько неловких минут. Анетте и Йеппе, еще толком не оправившись от случившегося, пытались уговорить Кристофера встать на ноги, но он никак не желал вставать с пола. Только когда Йеппе собрался применить силу, Кристофер вдруг уселся и принялся тереть лицо тыльными сторонами ладоней. Он начал говорить прямо с пола, из-под раковины. Без объяснений, без извинений.

– Юлия говорила, что я слишком навязчивый, что я давлю на нее. Она не понимала...

– Прежде чем начать разговор, мы должны предупредить, что ты не обязан нам ничего рассказывать. Мы не можем исключить того, что впоследствии ты окажешься обвиняемым. Ты отдаешь себе в этом отчет?

Им нужно было рассказать обвиняемому о его правах, чтобы потом они могли воспользоваться его заявлениями во время следствия.

– Я говорю лишь то, что хочу. Я всегда так делаю.

– Означает ли это, что ты состоял в отношениях с Юлией Стендер?

Голос Анетте звучал резко и четко.

– В отношениях? У нас был секс три раза. Последний раз четырнадцать дней назад. Здесь. Я был влюблен в нее. Уходя, она сказала, что нам лучше быть друзьями.

– И ты не смог этого принять?

– Нет, не смог.

– Кристофер, где ты был вчера вечером и ночью?

– На концерте в Доме студента с Юлией. – Без всяких размышлений, без оговорок. Очевидно, он даже не задумывался над тем, стоит ли делиться подробностями. – Ведь мы остались друзьями. Мы пили пиво. Она рано ушла домой. Сказала, что устала.

– И что же ты сделал?

Кристофер оторвал взгляд от точки на кафельном полу, на которой он все это время был сосредоточен, и обратился к левому плечу Йеппе:

– Я пошел за ней.

Йеппе приуныл. Домашнему дивану придется подождать.

– Кристофер, видимо, тебе все-таки придется отправиться с нами в участок.

*

– Можно покурить?

Из всех вопросов, которые Йеппе слышал за многие годы работы в управлении, этот был, наверное, самым частым. В данный момент он уже был готов разрешить это Кристоферу, чтобы и самому разжиться огоньком. Слишком уж долгим оказался день.

– Нет, разрази тебя гром! И тебе нельзя ни жрать, ни спать, ни ссать, пока мы не закончим! – Анетте, уставшая и раздраженная, возилась с кабелем, соединяющим камеру с компьютером.

Кристофер в замешательстве посмотрел на нее и неожиданно улыбнулся, в первый раз продемонстрировав хоть какую-то реакцию на своем застывшем лице, и это оказалось особенно тревожным. Он наклонился к компьютеру, взял один из болтающихся проводов и со знанием дела воткнул в розетку. По лицу Анетте Йеппе догадался, что камера заработала.

– Хорошо. Время 23:46, среда, 8 августа. Мы возобновляем допрос Кристофера Духа Гравгорда в связи с делом номер 2815. Присутствуют следователь Йеппе Кернер и следователь Анетте Вернер. Расскажи нам, Кристофер, почему ты последовал за Юлией Стендер, когда она покинула Дом студента вчера вечером?

– Мы ведь были там вместе. Слушали «Woodbines», группу наших приятелей. Юлия ускользнула во время перерыва, когда я отошел за пивом. Просто взяла и ушла. Она была какой-то отстраненной в последнюю неделю. Как будто боялась, что я не понял ее предложения... Тогда я пошел к ней домой. Она ведь живет совсем рядом.

Йеппе поменял положение на стуле, вдруг почувствовав, что не так уж и устал.

К чему это все приведет? Их ждет признание?

– Сколько было времени, когда ты ушел с концерта?

– У меня нет часов. – Кристофер медленно наклонился вперед и осторожно прижался лбом к столешнице. Теперь он говорил, держа губы всего в паре сантиметров от поверхности стола. Это выглядело нелепо. – Наверное, около половины одиннадцатого, без четверти одиннадцать. Я стоял перед ее дверью через две минуты.

– И..?

– В квартире горел свет. Каролина в Швеции, поэтому я знал, что там Юлия. Я немного постоял на улице, глядя на ее окна. Спел ей песню.

– Песню? Сядь нормально, это не...

– «Love will save you»³. Там говорится о силе любви, спасающей или убивающей. – Ее перебил Кристофер, которому, очевидно, казалось вполне естественным стоять посреди Клостерстреде и петь, обращаясь к ряду закрытых окон. И который, вероятно, не осознавал, что сидит на допросе по делу об убийстве.

– Я увидел тени, движущиеся за шторами. Она была не одна. Я почувствовал себя глупо. Меня предали.

Йеппе слишком органично мог бы вписать себя в этот сценарий, и это его раздражало. Кристофер вдруг выпрямился, хлопнул себя по нагрудному карману, но вспомнил о запрете на курение.

– Вот, а потом я ушел.

– Что это значит? Ушел? Куда? – Анетте говорила быстро и резко.

– Я пошел на канал и выкурил сигарету. Может, две. И вернулся.

– В квартиру Юлии? – спросил Йеппе. В комнате воцарилась тишина. Кристофер уставился в потолок, словно искал там что-то.

– Ты вернулся в квартиру Юлии? – повторил Йеппе.

– Нет, – ответил Кристофер, все еще устремляя взгляд вверх. – На концерт. Я вернулся и прослушал сет до конца.

– И что дальше?

– Что «что дальше»?

– Что ты делал после концерта? Ну давай же, черт возьми! – Терпение Йеппе подходило к концу.

– Я напился.

– Ладно. Во сколько ты вернулся в Дом студента после прогулки на Клостерстреде?

– Понятия не имею. Но парни еще играли, так что вряд ли я отсутствовал более получаса.

– И твои друзья могут это подтвердить?

– Да. Мы вместе ушли. Даниэль ночевал у меня.

– Нам нужны их телефоны. Напиши вот тут. – Йеппе протянул ему через стол записную книжку.

Кристофер озабоченно посмотрел на записную книжку и засунул руки в карман толстовки. – Я не знаю всех телефонов. Только Даниэля. Он может дать остальные.

Где-то в глубине усталого мозга Йеппе зазвонил колокольчик. – Даниэль? А фамилия?

– Фуссинг. Солист «Woodbines». И гитарист.

– И парень Каролины, соседки Юлии, так?

Кристофер кивнул. Его лицо было лишено какого бы то ни было выражения, как у ребенка, погруженного в компьютерную игру. Йеппе почувствовал раздражение, вызванное странным поведением Кристофера и выразившееся волной тепла, прошедшей по телу. Когда Кристофер широко зевнул и потянулся, это уже был перебор.

– Ты понимаешь, что она мертва, правда? Что она убита! Это ничего не значит для тебя? Честно говоря, ты ведешь себя так, как будто тебе абсолютно все равно!

Кристофер вдруг снова улыбнулся. Положил руки на стол и уставился на тыльные стороны ладоней.

– Все равно, господин полицейский? Потому что я не кричу и не рыдаю? Не сбиваю в кровь кулаки об стену?

Йеппе покачал головой, на сегодня с него хватит.

– Мне не жаль, господин полицейский. По крайней мере в том смысле, о котором вы толкуете. Я опустошен. Я даже не надеюсь на то, что вы поймете.

Йеппе покинул комнату, хлопнув дверью.

---

³ «Любовь спасет тебя» (англ.).

Они оставили Кристофера в комнате для допросов в одиночестве и стали вызванивать Даниэля Фуссинга. Он взял трубку со второго раза и пытался перекрыть громкую музыку и смех посетителей бара; в общем, он подтвердил рассказ Кристофера и дал контакты остальных членов группы. Он не понимал, о чем идет речь, и был слишком пьян, чтобы вникнуть в детали. Придется подергать его завтра.

Барабанщик поначалу вообще не понял, зачем они позвонили, и был потрясен, когда ему рассказали о смерти Юлии. Он не вспомнил точного времени, но по крайней мере подтвердил, что разговаривал с Кристофером в перерыве перед вторым сетом и после концерта. Это означало, что Кристофер отсутствовал максимум в течение 45 минут, которые длился второй сет. Наверное, этого не могло хватить на то, чтобы выследить, убить и изуродовать Юлию, сменить перепачканную кровью одежду, избавиться от орудия убийства и как ни в чем не бывало вернуться и выпить.

– Но он странный до чертиков. – Анетте потеряла глаза и с отчетливым хрустом склонила голову набок.

– Он не мог успеть все это проделать.

– И все же! Даниэль с товарищами могут плохо помнить. А может, они его покрывают.

– Мне так не кажется. Мы возьмем пробы ДНК и отпечатки пальцев и завтра сверим время с барменом и участниками группы. Но зачем им лгать?

– Иди домой и поспи! Бог свидетель, тебе не помешает чуть-чуть расслабиться.

– Спасибо, тебе тоже! Анетте, мы не можем повалить его на лопатки. Нам придется отпустить его – пока у нас не будет чего-то конкретного. Ты прекрасно это знаешь!

Анетте, казалось, стремилась раскрыть дело десятилетия за сутки, но в конце концов от идеи подремать тоже не отказалась. Они отпустили Кристофера домой.

Вторая половина дня всегда была худшим временем. Все дела переделаны, она уже купила губки и постирала одежду, до начала вечерних телепрограмм оставалось еще четыре часа. Вечера в августе, к счастью, наступают рано, но все равно приходилось придумывать, чем наполнить оставшиеся долгие часы светового дня, прежде чем предаться пустым мыслям за поеданием сладостей. Она знала, что может писать, должна писать и у нее это получается, и время от времени она это делала. Однако с тех пор как она переехала в город и создала вокруг себя пустоту, о которой мечтала, она позабыла все темы, в которые когда-либо предполагала углубиться. Многочисленные рукописные заметки в ее блокнотиках вдруг оказались по-детски мечтательно-наивными и полными штампов.

Тогда она стала писать письма. Первое было адресовано бабушке с материнской стороны и в нем шла речь о летнем домике в Бослуме, о хвойном аромате, играх с мячом и чтении комиксов во время зноя в палатке. Ты помнишь, бабушка? Как мы нарисовали лицо на дереве за сараем и прозвали его Рамзесом? А помнишь собранную в зарослях ежевику, которая показалась мне кислой, и мы использовали ее для блинов, поэтому все равно сумели ею наслаждаться? Запах теплого молока с пенкой и мягкие, как персик, морицинистые бабушкины щеки во время вечернего чтения. Возможно, это длилось месяцы, возможно, это были воспоминания, оставшиеся от одного дня, но они содержали в себе все хорошее из ее детства.

Следующее письмо предназначалось для матери. Тут было сложнее. Ей хотелось написать, что она скучает, потому что она действительно скучала. Смерть матери погрузила ее в состояние постоянной тоски. Она скучала по присутствию мамы, но почти не помнила ее и совсем не скучала по периоду материнской болезни. Повязка, которую надо было менять каждые три дня, усталость и отсутствующие, замутненные морфином глаза.

Она не скучала по жалости и стыду от желания скорейшей смерти своей собственной матери. Но ей хотелось, чтобы ее снова назвали звездочкой, чтобы было кому писать письма. Она в никуда писала о своих буднях; о библиотечарше с грустным взглядом, о кривом полу в

своей комнате, к которому она никак не привыкнет, о книгах, которые приносила из Королевской библиотеки и не читала.

За невысокими деревьями, посаженными вдоль улицы, дом казался мрачным и непрístupным. Йеппе отключил сигнализацию и снял ботинки, не зажигая свет. Это была старая привычка, оставшаяся с тех времен, когда его поздний приход мог кого-то разбудить. Он открыл холодильник, но никак не мог решить, чего хочет. В конце концов он налил себе чашку чая, воспользовавшись куокером, агрегатом, на приобретении которого настояла Тереза и с которым он так и не смог примириться. Агрегат брызгался и обжигал пальцы, чайный пакетик раздувался и плавал на поверхности мутной воды. Он не мог решиться даже на серьезный перебор с алкоголем! Его мужского достоинства хватало лишь на довольно-таки сдержанное злоупотребление болеутоляющими. Он мог бы написать книгу. Но она тоже оказалась бы скучной.

Оставив чай на кухне, он взял с собой в постель компьютер, чтобы записать соображения, накопленные за день, и дать им возможность помариноваться у него в голове, пока он будет спать. Проходя через спальню, он отвернулся от той половины кровати, которая принадлежала Терезе, и направился напрямик к своей измятой части. В бывшей ее тумбочке лежала «Кама-сутра», которую они купили на уикенде в Париже, когда они еще наслаждались обществом друг друга. До лечения бесплодия. До Нильса. Теперь книга лежала в ящике как постоянная насмешка над его верой в любовь и превращала половину спальни в минное поле. Он мгновение постоял в размышлении, затем сгреб одеяло, повернулся и пошел обратно в гостиную. Положив несколько подушек к спинке дивана, он сел, выпрямив спину, и открыл ноутбук.

Кристофер был с Юлией непосредственно перед тем, как ее убили, и, с одной стороны, признался, что состоял с ней в определенных отношениях, а с другой, что злился и ревновал. У него были и мотив, и возможность, он был на месте преступления как раз тогда, когда преступление было совершено, и таким образом претендовал на первое место в списке подозреваемых. Тем не менее Йеппе был готов верить его объяснениям. Возможно, его откровенность была искусным отвлекающим маневром, но в таком случае уловка сработала. Йеппе с трудом представлял себе Кристофера в агрессивном состоянии. Обычно такую склонность видно по глазам. Ну ладно, допустим, не всегда. Кристофер чувствовал себя униженным, а от ревности мужчины могут стать невменяемыми. Что он там пел под окном Юлии? Йеппе сверился с записями, открыл компьютер и отыскал в Youtube «Love will save you». «Swans»? Йеппе это название ни о чем не говорило.

Песню, мрачную и тяжелую, протяжно пел хриплый мужской голос. «Love will save you from the misery, then tie you to the bloody post»⁴. Вот оно что! Он поискал еще и наткнулся на обсуждение песни на англоязычном сайте фанатов группы «Swans». Детали текста обсуждались, вероятно, молодыми людьми, много времени проводящими в одиночестве. Стиль готик-индастриал или скорее просто готик? Более или менее эта песня страдальческая и депрессивная, чем, скажем, «Failure», идущая под вторым номером на той же пластинке? Кому-то казалось, что песня выражала надежду, другие считали ее окончательным отказом от дальнейшей борьбы. Несколько раз упоминалось самоубийство. Одна строчка вызвала отдельную тему в дискуссии. Эта строчка не оставляла его в течение беспокойного ночного сна:

«Love will save all you people, but it will never save... me»⁵.

⁴ * «Любовь спасет тебя от страданий, затем привяжет к кровавому столбу» (англ.).

⁵ «Любовь спасет всех вас, люди, но она никогда не спасет... меня» (англ.).

Четверг, 9 августа

Глава 8

Шелест листьев и хруст гравия с каждым приземлением ноги на тропинку, его тяжелое дыхание во влажном по-утреннему воздухе. Высокие розовые облака на фоне раннего голубого неба – влажная фантазия режиссера, работающего с техникolorом. Время от времени он натыкался на товарища по несчастью или на сонного хозяина, выгуливающего собаку, накинувшего ветровку прямо на пижаму, в остальном в парке Сёндермаркен было пусто, не считая звуков внутри и вокруг него. В голове бесконечно прокручивался рефрен из песни из «Моей прекрасной леди» про Аскот. Методично, привычно и стабильно.

Йеппе прекрасно знал, что пробежки – это классическая реакция на развод. Их совершают не только ради того, чтобы обрести прежнюю форму, а тем самым и большую привлекательность для нового партнера, но и как часть терапевтического процесса. Самому Йеппе это напоминало главным образом о том, как мальчишкой он сильно ущипнул себя за руку, чтобы боль от пораненной коленки была не такой пронзительной.

Что заставляет человека резать другого человека? Склонность причинить боль живет в каждом из нас, и мы осознаем это, даже несмотря на то что не реализуем эту склонность. Однако, чтобы покалечить кого-то таким образом, как сделал это убийца Юлии, нужен был некий порыв, неподвластный пониманию Йеппе. Он не мог подыскать этому иного названия, кроме злобы, и надеялся, что психологический портрет немного прояснит картину. Желательно – тот, который будет составлен после поимки преступника. Отдел по расследованию убийств в основном прибегал к помощи психологов для укрепления доказательной базы в делах, когда убийца уже был пойман и арестован. Иногда при вынужденном ступоре в следственной работе. Оставалось надеяться, что до этого не дойдет.

Йеппе сделал растяжку на небольшой игровой площадке с батутами и отправился домой. На участке вдоль автодороги он ускорился, этот отрезок пути с жестким асфальтом и унылой архитектурой следовало преодолеть как можно быстрее. Снаружи пустой дом из красного кирпича, окутанный утренним светом, казался вполне дружелюбным, однако стоило ему войти внутрь, как ощущение покинутости овладело им с новой силой.

В душе он схватил свой мужской орган и попробовал мастурбировать. У него не было секса с декабря, желание не приходило ни разу, и пенис, казалось, даже визуально весь как-то сжался. Может, это было побочное действие антидепрессантов, которые он принимал в течение первых месяцев. Однако потенция не вернулась, даже когда циталопрам был отложен на полку.

Все пять раз, когда руководство заставляло его («рекомендовало» – такой была официальная формулировка) побеседовать с полицейским психологом, слово «импотенция» оставалось за бортом и пряталось между другими понятиями: гневом, печалью, ревностью, оно так и не вырвалось наружу. Даже не попыталось. Йеппе не мог заставить себя говорить о том, что его действительно пугало. Одно дело – обсуждать одиночество и неудачу с незнакомцем, совершенно другое – признаться в таких деликатных проблемах, как импотенция и приступы страха, человеку, работающему с тобой в одной конторе.

*

Вскрытие было запланировано на восемь утра и проходило, как обычно, в Институте судмедэкспертизы. Йеппе припарковался на улице Фредерика V перед корпусом имени Тай-

лума, зданием, иронически выстроенным в виде громадной надгробной плиты посреди гравия и вечнозеленых насаждений, и вошел в темный холл. Коричневый кафель на стенах способствовал тому, чтобы и внутри здания настроение не было уж слишком светлым и легкомысленным. Матовая стеклянная дверь вела налево, в прозекторскую, которая использовалась, когда не представлялось возможным установить личность умершего иным путем. «Родственники допускаются только по предварительному согласованию» – гласила надпись на нескольких языках. Хотя и не было особой опасности, что кто-то войдет сюда без предупреждения.

Анетте принесла с собой струю свежего воздуха, минуту спустя торопливо появившись в дверях. За ней последовал тот же полицейский фотограф, который присутствовал на месте преступления.

– Доброе утро! Как спал?

– Хорошо, спасибо. А ты? – Йеппе кивнул обоим.

– Отлично! – Анетте короткими поспешными мазками наложила блеск для губ. – Каролина Боутруп в безопасности, она дома, в Копенгагене. Собиралась переночевать у своего парня, но мы поселили ее в отель. Под наблюдением и без телефона. Им с дружкой лучше поменьше разговаривать до того, как с ними побеседуем мы. Ее мать приехала из Ютландии, чтобы помочь ей. Поедем напрямик в управление на встречу с ней, как только закончим здесь.

– А что Даниэль?

– Фальк едет к нему домой.

Анетте, причмокнув, распределила блеск равномерно по губам и стукнула по кнопке лифта.

Облицованный кафелем секционный зал состоял из пяти расположенных друг за другом, не разгороженных рабочих мест, каждое из которых было оборудовано большой раковиной из нержавеющей стали и док-станцией, к которой можно было подсоединить прозекторский стол. Над каждым столом висели мощные люминесцентные лампы в световых коробах. Сначала следователи совершили все обычные ритуалы дезинфекции и надели халаты, бахилы и хирургические шапочки. Затем прошли вдоль рядов белых резиновых сапог, стоявших вдоль стены, в заднюю комнату, где проводилось вскрытие умерших насильственной смертью. Столы были пусты. Но запах стоял, как всегда, навязчивый, не противный, искусственной свежести с примесью чистящего средства.

Нюбо в полной готовности стоял в конце комнаты, облаченный в соответствующий случаю зеленый халат и хирургическую шапочку. Он привычным движением надевал латексные перчатки, даже не глядя на руки, и спокойно разговаривал о чем-то с одним из судмедэкспертов, призванных помогать в процессе вскрытия. Увидев вошедших, он кивнул собеседнику, который тут же покинул комнату.

– Добро пожаловать. Надеюсь, вы бодрые и отдохнувшие? Как ты, Йеппе, удалось поспать?

Йеппе торопливо кивнул, раздраженный неуместной заботой.

Нюбо посмотрел в глаза каждому из них и приступил к делу.

– Уже на месте преступления было ясно, что жертва получила целый ряд ножевых ранений, которые кровоточили, а, следовательно, были нанесены до наступления смерти. Кроме того, было сделано предположение, что череп жертвы проломлен с левой стороны выше виска без нарушения целостности кожного покрова. Это стоит отметить отдельно, так как кожа над висками натянута и легко повреждается. Вчера, по поступлении тела Юлии Стендер, мы провели компьютерную томографию трупа. Обнаружен пролом черепа, вплоть до *ria mater*. – Он сделал паузу, как будто искал понятные им слова. – То есть до самой глубокой мягкой мозговой оболочки. Что повлекло за собой ликаж ликвора и обширную интракраниальную гематому, иными словами, утечку спинномозговой жидкости и серьезное внутричерепное кровоизлияние. Сейчас мы, конечно, проштудировав всю эту карусель, прежде чем сделать окончательные

выводы, но все указывает на то, что удар в левый висок тупым предметом и стал причиной смерти. Как обычно, я буду комментировать, если наткнусь на что-то стоящее по ходу дела, и вы, естественно, шумите, если у вас возникнут какие-то вопросы.

Судмедэксперт вкатил секционный стол, на котором под стерильным полотенцем лежал труп Юлии Стендер. Подключив стол к док-станции, помощник осторожно приподнял полотенце и удалил стерильные мешки, лежавшие поверх рук. Она лежала точно так же, как накануне в своей квартире, когда туда пришел Йеппе. Полуодетая и перепачканная спекшейся кровью, в шрамах, как обмякшая кукла, которую выкидывали из высотного здания на протяжении многих дублей на съемках. В то же время она была похожа на то, чем на самом деле являлась: на тело, которое менее суток назад было живым, мыслящим человеком с мечтами и стремлениями, а теперь превратилось в груды ДНК-материала. Фотограф приступил к обзорным снимкам тела. Ньюбо повернулся спиной к судмедэксперту, который привычным движением надел на лицо маску и отрегулировал ее по размеру. Вскрытие началось с внешнего осмотра трупа. Судмедэксперт и Ньюбо обходили стол, похожие на напряженных стервятников, высматривающих лучшее место для атаки. Ньюбо то и дело останавливался и говорил в диктофон, какие следы обнаружил на одежде. Места проникновения лезвия ножа, все загрязнения и выделения были отмечены и описаны, прежде чем Ньюбо повторил процедуру под ультрафиолетовой лампой. Он удалил волосы и мелкие частицы, которые были помещены в маленькие стерильные пакеты и пронумерованы, обстриг ногти и сохранил их аналогичным образом.

Двое экспертов с помощью остальных присутствующих осторожно сняли с Юлии Стендер одежду, и она лежала обнаженная перед пятью зрителями. Фотограф сделал несколько снимков, остальные молча ждали. Что бы тут сказали женщины, которые чувствуют себя уязвимыми и униженными на приеме у гинеколога? После того как фотограф удовлетворенно кивнул, Ньюбо вернулся к столу и принялся тщательно осматривать внешние повреждения с лупой и стальным пинцетом, продолжая бормотать в свой диктофон. Раны, руки, ногти, уши и татуировки.

Соски были протерты ватным тампоном, веки подняты, глазные яблоки исследованы на предмет точечных кровоизлияний. Время от времени Ньюбо останавливался и делился своими наблюдениями.

– Татуировки достаточно свежие. Перышку на правой стороне грудины максимум полгода, там еще не успела образоваться рубцовая ткань. Две звезды и надпись на правом запястье совсем свежие, тут едва образовалась корочка. Этим не больше двух недель.

– Может быть, она наколола первую, как только перебралась в Копенгаген? Посмотрим, знает ли что-нибудь об этом Каролина. Так ли уж необычно, что молодая девушка родом из Ютландии делает себе татуировки? – Йеппе обратил свой вопрос к помещению, не обращаясь ни к кому конкретно.

Анетте покачала головой.

– Обе мои племянницы из Скиве сделали себе по первой татуировке ровно в ту секунду, как им исполнилось по восемнадцать. Сейчас у каждого молодого человека имеется по татуировке.

Ньюбо кивнул и вернулся к ранам на руках.

– У нее около двадцати пяти – тридцати поверхностных царапин на ладонях и руках, большинство глубиной в несколько миллиметров, некоторые глубже. Она вытянула руки, чтобы защититься от ножа. Вот здесь, на груди и у ключицы, несколько ударов прошли глубже. Мне не удалось найти на коже признаков сдавливания, то есть он ее не связывал. Также этот факт объясняет множественные кровавые пятна, разбросанные по всей квартире. В коридоре, в гостиной, в ванной.

– Как? – поинтересовался Йеппе.

– Он пырнул ее ножом в ключицу, в грудь, затем в спину, вот сюда, пониже правой лопатки, несколько раз в бок выше правого бедра. Множество ударов было нанесено сзади, то есть он нападал на нее, когда она двигалась, убегала от него. Однако ни один из этих ударов не стал смертельным. Можно даже подумать, что он забавлялся тем, что запугивал ее. Он запросто мог бы зарезать ее ножом, но предпочел убить ударом какого-то тяжелого предмета по голове.

– Может, спешил? – предположил Йеппе.

– Может, и так. И еще он наверняка положил что-то ей на висок, прежде чем ударить, в противном случае кожа оказалась бы повреждена от сильного удара. На коже не осталось никаких следов орудия убийства.

– Значит, она пыталась прикрыть лицо, когда он нанес решающий удар?

– Да, похоже на то. В любом случае весьма предусмотрительно было защитить кожу перед ударом тяжелым предметом.

– Потому что кожный покров был нужен ему для создания произведения искусства.

– Мотивы, руководившие убийцей, я оставляю на ваше рассмотрение. После вскрытия мы возьмем пробу из ребра, задетого лезвием, чтобы сравнить ее с образцом, взятым с ножа, обнаруженного на месте преступления, и удостовериться, что это именно тот нож, которым он орудовал.

Нюбо убрал с лица трупа слипшуюся окровавленную массу волос и осторожно показал затянутым в латекс пальцем:

– Посмотрите, надрезы на лице сделаны в основном после наступления смерти жертвы, но, если обратить внимание на эту насечку на лбу, то обнаруживается сильное кровотечение. Я предполагаю, что он попытался «вырезать», когда она была еще жива, но она оказала такое яростное сопротивление, что ему пришлось убить ее, чтобы обеспечить себе покой для работы. Вот тогда-то и пришел черед мощного удара в висок. В результате он получил достаточное количество времени.

– Он. Мы уверены, что это мужчина?

– Жертву ударили всего один раз, в противном случае кожа была бы повреждена. И в этот удар была вложена огромная сила. Девушка была крупная. Не говоря о том, сколько сил требуется, чтобы удержать живого человека в лежащем положении, одновременно вырезая по его коже ножом. Убийство – это нелегкая работа.

– По-прежнему никаких признаков сексуального мотива?

– Мотивы я оставляю вам. Но попыток проникновения во влагалище или в прямую кишку предпринято не было, и, насколько я вижу, никаких следов спермы на трупе тоже нет. Так что ответ отрицательный.

Нюбо склонился над лицом трупа.

– Взгляните, поверхностные царапины, максимум два миллиметра глубиной. По-видимому, сделаны все тем же ножом. Узкое лезвие толщиной не больше двух миллиметров, очень острое, не более восьми-девяти сантиметров в длину. В точности соответствует складному ножу, обнаруженному на месте преступления. У нас есть крупные планы лица?

Фотограф кивнул, но все-таки щелкнул еще пару раз.

– Длинные непрерывные линии, вырезаны параллельно вокруг правого глаза, продолжают вниз с закруглением между носом и ртом, далее к шее, закручиваются в спираль на правой щеке. Как вам кажется, на что похоже?

– Татуировка маори? – предположила Анетте. – У них похожие линии на лицах.

– Да, и это возможно. Но я подумал, что больше всего это напоминает художественное вырезание из бумаги или что-то в этом роде. Сделано искусной рукой. Представьте себе, как сложно нарисовать ровный круг от руки, а каково вырезать все эти узоры на мягкой коже? Это заняло много времени.

– А именно?

– Трудно утверждать, но я не представляю, как тут можно было уложиться менее, чем в полчаса.

Анетте и Йеппе переглянулись через стол. В таком случае Кристофер не вписывается в картину при условии, конечно, что его алиби будет подтверждено. Однако какая необходимость заставила убийцу рисковать, оставаясь в течение долгого времени рядом с уже убитой жертвой? Чтобы вырезать орнамент?

– Значит, за ней по всей квартире гонялся сумасшедший с ножом. Почему никто не слышал ее криков? – Йеппе задавал свой вопрос в пространство, он прекрасно знал, что отвечать на него не входило в компетенцию Ньюбо.

– Видишь ли, ответ на этот вопрос – не моя задача.

Йеппе вздохнул.

– Но, – продолжил Ньюбо, – давайте взглянем, удастся ли нам обнаружить нечто, проясняющее картину. – Он откинул голову трупа назад и открыл ему рот. – Ей придется побывать и у стоматолога. – Он подвинул к глазу лупу на налобном ремне. – Все в порядке, Йеппе? В целом?

Очевидно, Ньюбо пребывал в словоохотливом настроении.

– Да, спасибо, все хорошо. Отлично, благодарю. – Йеппе избегал взгляда Анетте.

– Прекрасно, прекрасно. – К счастью, Ньюбо уже потерял к нему интерес. – Вот здесь есть кое-что. На внутренней стороне правых моляров. Похоже на ниточку. Приблизительно семь миллиметров длиной, фиолетовая или розовая. Отошлем ее на микроскопическое исследование, чтобы получить точный ответ на вопрос, что же это такое. Но не означает ли это, что он запихнул ей что-то в рот, чтобы она не кричала? Какую-то тряпку, которая, вероятно, тоже вся в крови.

– В таком случае убийца вытащил эту тряпку, потому что, насколько мне известно, криминалисты не обнаружили ничего соответствующего этому описанию.

– Это вполне могла быть его личная вещь или он мог оставить на этой вещи какие-то следы. Кровь, к примеру. Вообще-то, после совершения убийства он тоже должен был быть весь в крови, вы ведь понимаете, правда? В ее крови. Интересно, как он смог пробраться незамеченным через город, весь в пятнах крови, теплым летним вечером!

Ньюбо обмыл труп, измерил и взвесил его, подготовив ко внутреннему осмотру. Широкие, острые секционные ножи, которые вполне можно было принять за разделочные ножи с промышленной кухни, лежали на столе. Он снял с крючка на стене пару кольчужных перчаток, выбрал тяжелый нож и разрезал туловище Юлии Стендер от шеи до лобка.

Она стала класть письма в конверты и писать на конвертах имя матери. Большие ничего, только имя. Забавно поразмышлять над тем, где они в конце концов могут оказаться. В ящике почтового отделения? Пару раз в неделю относить их в почтовый ящик и на обратном пути покупать в киоске что-нибудь сладкое стало для нее частью ежевечернего ритуала. Она всегда прихорашивалась перед этим, собирала волосы в пучок или просто причесывалась, непременно. Хотя это был всего лишь поход в киоск, по дороге всегда кто-то встречался. Такова уж городская жизнь.

Она развлекалась тем, что смотрела проходящим мимо мужчинам прямо в глаза. Особенно тем, кто шел со спутницей. Самый простой способ выбить мужчину из колеи – это просто посмотреть ему в глаза, не отводя взгляда. Для мужчины прямой взгляд означает – либо ты хочешь с ним переспать, либо его убить. Ей нравилось наблюдать их беспокойство. Это она держала все под контролем, развлечение было бесплатным. Однако домой она приходила одна.

Однажды вечером мимо нее по узкому тротуару прошел мужчина. Широкоплечий, он шагал в одиночестве, с таинственной улыбкой на лице. Она попыталась поймать его взгляд, но он не видел ее, просто шел себе дальше. Она решила его выследить.

На другой день она снова увидела его, на противоположной стороне улицы. Она сразу его узнала, он по-прежнему ее не замечал. Это вызвало у нее раздражение. Она направлялась домой, ноги немного болели от босоножек на высоких каблуках. Мимо проходили парочки, наслаждавшиеся солнцем, город дышал влюбленностью. Вдруг она почувствовала на своем плече теплую ладонь. Обернувшись, она увидела его, он стоял совсем близко и улыбался. Засмутившись, она опустила глаза.

– Вот! – сказал он и, прежде чем пойти дальше, сунул ей клочок бумаги, просто бумажную полоску. На бумажке было написано:

«Звездочка»

Больше ничего, только это. Прописные буквы, черные чернила. Она вслух прочитала это слово, стоя прямо посреди улицы, и почувствовала, как в ее теле что-то высвободилось. Когда она подняла глаза, он уже ушел.

Это была их первая настоящая встреча. После нее она стала ходить к почтовому ящику ежедневно.

Глава 9

– С яйцом или с салатом и ветчиной? – Анетте просунула голову между студентами, стоявшими в очереди у вагончика с фастфудом на территории Королевской больницы.

– Если больше ничего нет, то просто кофе. – Йеппе ответил не очень вежливо; он запросто мог обождать с едой, пока из ноздрей не выветрится запах хлора.

Они только что покинули прозекторскую, после тихой сосредоточенности последних часов холл казался угрожающе шумным. Ньюбо вскрыл грудную клетку Юлии Стендер и извлек из мертвого тела все органы, измерил и взвесил их, взял образцы крови и тканей, чтобы судебный эксперт-химик имел возможность обследовать их на предмет токсинов, алкоголя и наркотиков. Затем он сделал надрез на волосистой части головы, отделил кожу от черепа и распилил кость для исследования мозга и проведения оценки повреждений, полученных от удара в левый висок.

Проведенное исследование подтвердило сделанный ранее вывод: Юлия Стендер умерла от сильного удара по голове, нанесенного скорее всего мужчиной, вероятно, правой. Смерть наступила между одиннадцатью вечера и двумя ночи со вторника на среду. Пока никаких неожиданностей.

Они сидели в холле на барных стульях цвета лайм, решив сделать короткую передышку перед возвращением в управление. Йеппе достал свой блокнот. Анетте сняла пленку с бутерброда с ветчиной и откусила большой кусок. Капелька майонеза маячила у нее в уголке рта, пока она жевала.

– Ты понимаешь, сколько всяких «Е», красителей и консервантов в этом сэндвиче? Если ты оставишь его на столе на целый год, он все равно не заплесневеет, настолько он напичкан ядом.

– Меня все устраивает. – Анетте отпила из пластиковой бутылки с кислотно-оранжевой газировкой и нетерпеливо кивнула на записную книжку Йеппе. – Итак, что у нас есть?

Покачивая головой, Йеппе открыл записи.

– Юлия вернулась домой с концерта вечером во вторник. Она либо уже была в сопровождении своего убийцы, либо вскоре после прихода впустила его в квартиру. Как бы то ни было, она достаточно хорошо была с ним знакома, раз пригласила его войти поздно вечером, хотя была одна дома. Каких мы знаем мужчин из окружения Юлии?

– Ее отца! С ним надо разобраться сегодня же. – Анетте говорила с огромным комком салата с ветчиной за щекой, и слова звучали так, словно ее язык удвоился в размерах.

– Согласен. Кристиану Стендеру есть о чем нам рассказать. Но мог ли отец так расправиться со своим ребенком? – возразил Йеппе.

– Зависит от степени его чокнутости.

– Ладно, тут нам пригодится обоснованный психологический портрет.

– Это уже другое дело.

– Есть еще наш юный друг, Кристофер. Они с Юлией состояли в отношениях, он пребывает в расстроенных чувствах, и он там был, но вопрос, мог ли он успеть это сделать. Ньюбо считает, что она умерла самое раннее в 23.00, а у нас имеются свидетели, которые общались с Кристофером в Доме студента в 23.30. Выясни у Ларсена, он все утро занимался проверкой алиби с членами группы и Домом студента.

Анетте кивнула, отказалась от протянутой ей влажной салфетки и чуть слышно рыгнула.

Зазвонил мобильный Йеппе. Он взглянул на номер – кто-то из управления. Хорошо, пока никаких домогательств со стороны прессы.

– Кернер.

– Это Сайдани, у нас проблема. Вы еще в больнице?

– Только что закончили. Выезжаем через пять минут.

– Замечена активность на странице Юлии Стендер в Инстаграме. Десять минут назад там разместили фотографию лица мертвой Юлии Стендер крупным планом. С этими филигранными узорами. Кто-то вошел в Сеть под именем Юлии. Журналисты уже засыпали нас телефонными звонками.

– Проклятье!

Анетте подняла подбородок и бросила вопросительный взгляд.

– Кажется, снимок сделан в вечер убийства. Изображение темное и зернистое, и там кровь.

– Дерьмо! Вы не можете удалить его?

– Мы пытаемся. Но каждый раз, как только я его удаляю, оно через несколько минут снова появляется. Пробую заблокировать ее профиль, но это не так просто, тем более что я должна убедиться, что не будет потеряна важная информация.

Йеппе выбежал из корпуса Тайлума, Анетте следовала за ним по пятам. Не успели они добежать до машины, как позвонил начальник полиции.

Когда они наконец добрались до управления, весь отдел расследования убийств пребывал в состоянии полной боевой готовности. Прежде они были заняты поисками убийцы, теперь одновременно с поисками должны были тратить кучу сил на ответы на вопросы и предотвращение жуткой паники. Пресса обожала дела с участием безумного серийного маньяка.

Его уже окрестили *Психопаттерном*, как остроумно!

Комиссар полиции разобралась с прессой и предоставила неограниченные ресурсы, чтобы поймать преступника и закрыть дело. Немедленно. В жертву пошли все отгулы и свободное время; отныне члены следственной группы могли рассчитывать только на то, чтобы дома немного поспать, проснувшись, поцеловать детей и пожелать им доброго утра.

Анетте бросила пиджак на стол и пошла в коридор искать следователя Фалька, чтобы получить расшифровку допроса Даниэля Фуссинга. Мягкие подошвы приклеивались к липкому линолеуму, и звук ее шагов напоминал навязчивое хлюпанье. Склонив голову, Йеппе проследовал напрямик к рабочему месту Сайдани, прежде чем кто-либо успел броситься к нему навстречу.

– Получилось?

Сара Сайдани не отрывала взгляд от монитора.

– Еще нет. У нас есть доступ к профилю, но мы не можем его контролировать, пока кто-то залогинен в системе как Юлия Стендер. Мы надеемся вскоре получить ответ от команды Инстаграма. С ними можно связаться исключительно по электронной почте, даже если ты из полиции.

Йеппе склонился над ней и посмотрел на темную фотографию: из тени выступала бледная кожа, обнажая творение, навевающее жуть. В непосредственной близости от изуродованного лица красовались снимки улыбающейся Юлии, полной жизни. Ее юная задорная улыбка делала контраст почти невыносимым.

– Это, должно быть, человек, которого вы ищете, он загрузил это фото. Посмотри на ковер, он из квартиры на Клостерстредзе, и, если только кто-то не проскользнул туда после убийства, чтобы сделать этот снимок, что я лично считаю немыслимым, то это преступник.

Йеппе придвинулся ближе.

– Но зачем выкладывать фотографию жертвы в ее собственном профиле на Инстаграме? Что ему от этого?

– Откуда мне знать? Рискованный способ похвастаться своими достижениями.

– Нельзя проследить, откуда пришло изображение?

– При загрузке через мобильный сервер – нет. Как тут проследишь? Не понимаю, почему Инстаграм до сих пор не заблокировал профиль.

Она неожиданно ударила кулаком по столу рядом с клавиатурой. Йеппе подскочил.

– Если через четверть часа я не смогу сделать резервное копирование и закрыть профиль, придется звонить за помощью в НЦБК.

– Наверняка сможешь, Сайдани.

НЦБК, или Национальный центр по борьбе с киберпреступлениями, являлся отделом Департамента по борьбе с мошенничеством и специализировался на компьютерной преступности.

– Ты не видела Каролину Боутруп?

– Они с матерью сидят в столовой, – ответила Сайдани, по-прежнему не отрываясь от экрана.

По пути в столовую Йеппе зашел к себе, чтобы проверить автоответчик. Он стер все сообщения от журналистов, даже не прослушав их. Как минимум десятков. Кроме того, обнаружили три сообщения от истеричного Кристиана Стендера, который желал знать, когда они, черт возьми, думают задержать безумца, убившего его маленькую девочку. Поскольку до сих пор Кристиан Стендер никоим образом не поспособствовал следствию, не считая приступов рвоты и рыданий, его решимость оказалась неожиданной. С чего вдруг он решил перейти в наступление? Мысль о том, что, ко всему прочему, придется иметь дело с яростью Кристиана Стендера, вызвала у него в желудке ощущение уныния.

Йеппе шел к столовой, по дороге созвонившись с криминалистом Клаусеном. Клаусен ответил после первого гудка.

– Привет, Кернер. Ты с чем?

– Орудие убийства. Что там с ним?

– Ничего. Чем бы ее ни грохнули по голове, этого предмета больше нет в квартире. С ножом сейчас разбираемся. Думаю, что-то выяснится сегодня чуть позже. Заглядывай, когда у вас там будет время.

Йеппе провел рукой по глазам и зевнул.

– Что еще?

– Обнаружены следы всех людей, имеющих отношение к этой квартире. Волосы девушек в душевом стоке, слюна Юлии на кофейной чашке и тому подобное, но ничего напрямую связанного с убийством. Вообще, как-то удивительно мало следов осталось от преступника, учитывая очевидную жестокость нападения. Ни волос, не принадлежащих обитательницам квартиры, ни крови, ни выделений – и пока что не так много отпечатков. Он действовал чрезвычайно осторожно. Мы обнаружили четкий след подошвы на ворохе бумаг в гостиной и несколько следов в крови вокруг тела. Они очень определенные, так что, вероятно, из этого что-то и получится.

– А отпечатки пальцев?

– Бовин работает не покладая рук. Но пока у него нет ничего, явно связанного с убийством. Ничего рядом с трупом или в лужах крови.

– Преступник надевал перчатки?

– Если ты меня спрашиваешь, а ты как раз меня спрашиваешь, я скажу вот что: на нем были не только перчатки. Я думаю, на нем был какой-то защитный костюм.

В столовой отдела убийств, держась за руки, сидели Каролина Боутруп с матерью, каждая на своем стуле, но так близко друг к другу, что их бедра и плечи соприкасались. Каролина была закутана в черный шерстяной кардиган и огромный палантин, закрывающий нижнюю часть ее лица. Темно-коричневые волосы казались растрепанными и жирными, лицо распухло от рыданий. И все-таки она была одной из красивейших женщин, которых Йеппе когда-либо видел. Не просто милой или привлекательной, но поразительно красивой, как кинозвезда. Длинные

руки и ноги, правильные черты лица и лучистые синие глаза. Ее мать – как выяснилось, ее звали Ютта – представляла собой более зрелую и отточенную версию той же красоты, хотя и в более холенном варианте: седеющие волосы, элегантная стрижка паж, укороченная куртка на прямых плечах. Йеппе поздоровался с обеими за руку и попросил Каролину пройти за ним в комнату для допросов, чтобы побеседовать наедине. Рядом с кофе-машиной стояло несколько сотрудников, обеспечивавших порядок, пославших в их направлении тоскливые взгляды.

Каролина заплакала, как только он закрыл дверь. Разразилась душераздирающими, отчаянными рыданиями, за коими последовало вытирание глаз и носа шерстяными рукавами. Он пододвинул к ней через стол коробку с бумажными салфетками и дал немного поплакать, прежде чем осторожно приступить к делу.

– Каролина, я знаю, все это действительно очень тяжело, и ты очень сожалеешь о случившемся. Но мне приходится просить тебя нам помочь. Тут нельзя ждать. Убийца гуляет на свободе, и нам необходимо знать о Юлии все, чтобы поймать его, прежде чем он улизнет или, что еще хуже, нападет еще на кого-нибудь. Ты это понимаешь?

Она кивнула, смахнув слезы, выпрямилась на стуле и постаралась взять себя в руки.

– Что вы хотите знать? – Голос у нее был гнусавый, с грубым ютландским акцентом, никак не сочетавшимся с хрупкой внешностью.

– Ты догадываешься, кто это сделал? Кто имел основания сотворить с Юлией этот кошмар?

– Нет! Абсолютно. – Каролина горестно покачала головой. – Юлия была таким... ангелом. Нет, ладно, может, и не ангелом, но просто, знаете, такой хорошей! У нее было огромное сердце. И мы ведь были знакомы... как будто всегда.

– Что насчет парней? У нее были парни?

Каролина взглянула на него искоса, растопырила пальцы, что должно было, по-видимому, означать утвердительный ответ, и Йеппе почувствовал себя двухсотлетним стариком.

– Случались всякие там развлечения и интрижки, как бы, но ничего серьезного.

Отвечая на вопрос, Каролина заплетала бахрому платка в узкие неаккуратные дреды.

– Она никому не могла причинить боль? Может, какому-нибудь парню, с которым рассталась?

– Юлия словно специально собирала вокруг себя отвергнутых возлюбленных. Казалось, она вечно бродила с хором плакальчиков за спиной...

Каролина откинула голову и выправила длинные волосы из-под платка.

– А не мог ли кто-нибудь из отвергнутых поклонников захотеть ей отомстить?

– Подумать только, она мертва, я не верю в это, не верю. – Каролина снова заплакала. – Моя Юлия. Этого не может быть. – Она спрятала лицо в руки и сидела так некоторое время, прежде чем ответить. – Ну нет, я не думаю, что вам стоит такое предполагать. Юлия всегда встречалась с такими безобидными «овощами», которые и мухи бы не обидели.

– Вы в курсе отношений Юлии и Кристофера? – Он внимательно следил за ее лицом, но никакой особенной реакции не последовало.

– Да, конечно, но тут ведь ничего такого не было. Он ботан и слишком чудной для Юлии. Юнец и чересчур тощий, понимаете?

Йеппе криво усмехнулся.

– То есть, он был больше увлечен ею, чем она им?

Каролина красноречиво взглянула на него из-под поднятых бровей.

– Он был совершенно без ума от нее, ботан несчастный! Сочинял для нее музыку и звонил среди ночи. Юлия не могла такого терпеть. Мы пытались свести ее с одним чуваком из группы.

– «Мы»?

– Мы с Даниэлем, моим парнем. Мы выросли вместе, все втроем учились в одном классе, а она ведь была новенькая в городе, так что мы ей все показывали и так далее. Три мушкетера. – Голос ее немного дрогнул, но, откашлявшись, она продолжила. – Даниэль тоже из чуткой тукнутой семейки, так что они с Юлией частенько вели долгие беседы за красным вином о братишках-сестренках, о мачехах.

– А Юлия из тукнутой семьи?

Снова эти брови. Всей своей мимикой она сказала «Уф», потом начала рассказывать.

– Значит, так, мать ведь у нее умерла от рака, когда мы были еще маленькими. Ужасно, правда? А ее отца вы видели?

– Вы можете сказать, что отец Юлии ее любил?

– Он ее до жути боготворил! Юлия даже не выдерживала. – Она кривлялась, коверкая слова. – Он возвел ее на пьедестал, но никогда не относился к ней как к взрослой. Болван!

У Йеппе в кармане загудел телефон. Наверное, опять журналисты, или господин Стендер выклянчил у кого-то его мобильный номер. Пускай обождут.

– А что насчет татуировок Юлии? Что вы о них знаете?

– Я ходила с ней, когда она делала перо у Типпера в Ньюавн. Она бредила о нем еще с девятого класса. Это олдскульное писчее перо. Она мечтала стать писателем...

Каролина еле удержалась от приступа рыданий, наклонив голову и на некоторое время замерев, после чего продолжила:

– ...но это еще и символ свободы. Ну, знаете, свобода полета...

– А звезды на руке, они что символизировали?

Она пожала плечами, немного помолчала и закусил губу.

– Я не знаю. У нее появились какие-то секреты, с тех пор как она встретила этого чувака три недели назад. Звезды имеют какое-то отношение к нему, но я не знаю, какое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.